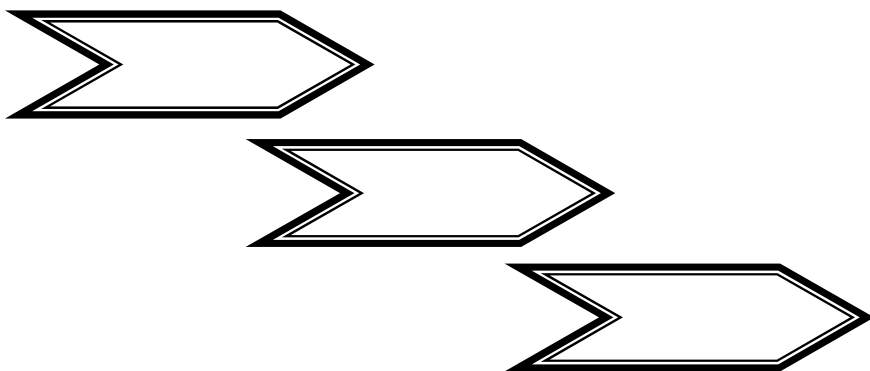

СТАДИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

• ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ •

УДК 343
ББК Х7я73-5
П317

Рецензенты:

Кандидат юридических наук, подполковник милиции,
начальник кафедры криминалистики и уголовного процесса
Тамбовского филиала Московского университета МВД РФ
М.А. Желудков

Кандидат экономических наук, заместитель директора
Межотраслевого регионального центра повышения квалификации
А.В. Синельников

317 Стадии совершения преступления : курс лекций / сост. Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 64 с. – 100 экз.

Рассмотрены стадии совершения преступления и уголовно-правовые аспекты квалификации преступления.

Предназначен для студентов специальности 030501 "Юриспруденция" всех форм обучения.

УДК 343
ББК Х7я73-5

© ГОУ ВПО "Тамбовский государственный
технический университет" (ТГТУ), 2008

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО "Тамбовский государственный технический университет"
Тамбовский филиал Российского Нового университета

СТАДИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Курс лекций

Тамбов
• Издательство ТГТУ •
2008

Учебное издание

ПЕЧНИКОВ Николай Петрович

СТАДИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Курс лекций

Редактор Ю.В. Шиманова

Инженер по компьютерному макетированию М.Н. Рыжкова

Подписано к печати 08.05.2008

Формат 60 × 84/16. 3,72 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 231

Издательско-полиграфический центр

Тамбовского государственного технического университета

392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

Министерство образования и науки Российской Федерации

ГОУ ВПО "Тамбовский государственный технический университет"

ГОУ СПО Тамбовский бизнес-колледж

СТАДИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Курс лекций

Тамбов

• Издательство ТГТУ •

2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. СТАДИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	5
1.1. Понятие, виды и значение стадий совершения преступления	5
1.2. Приготовление к преступлению	7
1.3. Квалификация покушения на преступление	13
2. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	24
2.1. Уголовно-правовая характеристика оконченного преступления ...	24
2.2. Добровольный отказ от преступления и его отличие от деятельного раскаяния	28
2.3. Квалификация неоконченной деятельности и соучастия в экологических преступлениях	38
2.4. Оконченное и неоконченное посягательство на жизнь мнимобеременной женщины	45
2.5. Определение момента окончания хищения	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	57
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	59

ВВЕДЕНИЕ

Слово "квалификация" происходит от латинских слов *qualis* (качество) и *facere* (делать). Следовательно, смысл этого составного слова сводится к установлению качественной характеристики определяемого объекта. Таким объектом в уголовном праве является совершенное лицом деяние, обладающее всеми или несколькими признаками деяния, описанного в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса.

Оценка квалифицируемого деяния может завершиться выводом о том, что содеянное не подпадает ни под одну из статей уголовного закона, следовательно, не является преступлением. Вывод может быть и другим: содеянное формально подпадает под ту или иную норму Особенной части УК РФ, но не является преступлением в силу малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) либо в связи с наличием обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 37 – 42 УК РФ).

Оценочный вывод может заключаться в том, что в деянии содержится состав приготовления к преступлению небольшой или средней тяжести, которое в силу ч. 2 ст. 30 УК не влечет уголовной ответственности. Наконец, оценка может сводиться к тому, что содеянное представляет собой покушение на преступление, за которое лицо не подлежит уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от доведения начатого преступления до конца (ст. 31 УК РФ). В каждой из описанных ситуаций содеянное было подвергнуто уголовно-правовой оценке, т.е. квалифицировано или как не преступное в принципе, или как деяние, за которое лицо не подлежит уголовной ответственности.

1. СТАДИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1.1. ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ЗНАЧЕНИЕ СТАДИЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Преступный замысел, который зародился в сознании потенциального субъекта преступления, реализуется, как правило, последовательно, на протяжении определенных, следующих друг за другом стадий (этапов). Совершению оконченного преступления обычно предшествуют ряд определенных действий, направленных на его создание, т.е. успешное осуществление с точки зрения преступного элемента, сокрытие следов, а также действия (бездействие), непосредственно направленные на реализацию преступного намерения.

Стадия есть "определенная ступень в развитии чего-либо, имеющая свои качественные особенности; этап, фаза"¹. Хотя нормы УК РФ и не содержат термина "стадия", теория уголовного права и правоприменительная практика пользуются этим понятием, поскольку преступное поведение человека, как и любая деятельность, протекает в пространстве и времени и состоит из отдельных, сменяющих друг друга элементов.

В доктрине уголовного права стадии совершения преступления рассматриваются как этапы, из которых складывается процесс преступного посягательства. Следовательно, стадии совершения преступления можно охарактеризовать как предусмотренные уголовным законодательством определенные этапы его осуществления, различающиеся по содержанию совершаемых субъектом преступления действий и степени реализации умысла виновного.

Критерием разделения действий (бездействия), направленных на совершение преступления, на стадии, несомненно, можно назвать степень реализации преступного умысла.

Говоря о ступенях развивающейся преступной воли, профессор Н.С. Таганцев охарактеризовал их как проявление вонне преступной деятельности и сводил к трем типам: воли обнаружившейся, заявившей чем-либо свое бытие, но не приступавшей еще к осуществлению задуманного; воли осуществляющейся, т.е. покушающейся учинить преступное деяние; воли осуществившейся².

Как известно, преступное деяние может выразиться в преступном единовременном акте, образующем состав преступления. Однако в целом ряде случаев преступная деятельность протекает на протяжении более или менее длительного времени. За этот период лицо поэтапно осуществляет свое преступное намерение. Нередки случаи, когда преступнику не удается довести преступление до конца, т.е. оно прерывается на одном из этапов его развития по причинам, не зависящим от виновного. В этих случаях преступные действия виновного все равно приобретают уголовно-правовое значение. Соответственно возникает вопрос об уголовной ответственности на различных стадиях совершения преступления.

Уголовный закон, давая общее понятие преступления, имеет в виду не только оконченное преступление, но и неоконченную преступную деятельность.

Под стадиями совершения преступления понимаются этапы, которые проходит преступление в своем развитии от начала и до конца, отличающиеся друг от друга развитием осуществления объективной стороны преступления, а также степенью реализации умысла виновного.

В теории уголовного права различаются три стадии совершения преступления:

- 1) приготовление к преступлению;
- 2) покушение на преступление;
- 3) оконченное преступление.

Некоторые авторы утверждают, что в качестве первой стадии совершения преступления следует считать стадию обнаружения умысла. Это положение не может быть признано верным, так как все, что не выражается в деянии (действии или бездействии), находится за рамками уголовно-правового регулирования и не может влечь уголовной ответственности³.

Обнаружение умысла в равной мере нельзя отождествлять со "словесными" преступлениями типа "призывов", "пропаганды", клеветы и т.п., каждое из которых посягает на свой объект – мир и безопасность человечества (ст. 354 УК РФ), конституционный строй (ст. 280 УК РФ), честь и достоинство личности (ст. 129, 130 УК РФ). Если обнаружение умысла никоим образом не причиняет ущерба охраняемым интересам, то в случае с приведенными преступлениями такой ущерб налицо.

Таким образом, обнаружение умысла, не получившее физического воплощения в общественно опасном деянии, не должно влечь за собой уголовной ответственности.

Не является исключением и установление уголовной ответственности за угрозу. Так, в Уголовном кодексе сконструировано несколько составов, где угроза является наказуемой (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью – ст. 119 УК РФ). В этом случае речь идет об уголовно-правовой квалификации различных видов оконченной преступной деятельности. Угроза причинения вреда охраняемым интересам выступает в данном случае своеобразным способом, используемым виновным для достижения преступной цели. Подобного рода общественно опасные действия лица признаются преступными и квалифицируются как самостоятельное оконченное преступление.

Уголовно-правовое значение имеют стадии лишь умышленного преступления. Это объясняется тем, что приготовление к преступлению и покушение на него определяется законом как умышленное деяние (ст. 30 УК РФ). Стадии совершения умышленного преступления имеют значение для квалификации содеянного с точки зрения того, окончено либо не окончено преступление, а если не окончено, то на какой стадии было прервано.

¹ Словарь русского языка. – М., 1984. – Т. 4. – С. 245.

² Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции / Н.С. Таганцев. – М., 1994. – Т. 1. – С. 290.

³ Мельниченко, А.Б. Уголовное право. Общая часть. Особенная часть : учебное пособие / А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинский. – М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – С. 100.

1.2. ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Первую стадию совершения преступления составляет приготовление к совершению преступления.

Часть 1 ст. 30 УК РФ под приготовлением к совершению преступления понимает приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам.

Данная законодательная формулировка содержит в себе указание на целый ряд признаков, определяющих сущность приготовительных действий.

Приготовление к преступлению совершается исключительно с прямым умыслом. Очевидно, что деяние, совершаемое по неосторожности, просто не может содержать в себе приготовительного этапа.

Реализуя приготовительные действия, субъект преступления демонстрирует переход от умозрительной модели преступления к объективно существующей, тем самым ставятся под угрозу причинения вреда охраняемые уголовным законом общественные отношения. Желая наступления общественно опасных последствий, субъект создает все необходимые условия, и только непредвиденные обстоятельства срывают его планы⁴.

Возможны случаи, когда до пресечения действий виновный успевает выполнить состав другого преступления. Например, приобрести огнестрельное оружие или наркотические средства и т.д. В таких случаях действия виновного лица надлежит квалифицировать по совокупности нескольких составов – незаконный оборот огнестрельного оружия (ст. 222 УК РФ) и, помимо этого, приготовление к убийству либо иному преступлению, для которого приобреталось оружие.

Так, например, Красноярским краевым судом 10 февраля 2004 г. Андреев признан виновным в совершении преступлений при следующих обстоятельствах.

В марте 2003 г. Андреев приобрел у не установленного следствием лица охотничье ружье марки ИЖ-17, отпилил у него ствол и часть приклада и таким образом изготовил обрез.

18 апреля 2003 г. Андреев решил совершить разбойное нападение на водителя транспортного средства, занимающегося частным извозом, с использованием изготовленного обреза с целью хищения денежных средств водителя.

Вооружившись обрезом и патронами к нему, он предложил своей несовершеннолетней знакомой Такмаковой (в возбуждении уголовного дела в отношении которой отказано за отсутствием в ее действиях состава преступления) съездить с ним к родственникам в пос. Новоенисейск, но не поставил ее в известность о своем намерении совершить нападение.

Вместе с ней он пешком пришел к остановке "5 микрорайон". Увидев автомобиль "№ISSAN№LAN№GLEYS" с Гниденко за рулем, Андреев попросил отвезти его и Такмакову в п. Новоенисейск.

По дороге Андреев достал обрез и приказал водителю свернуть в безлюдное место. Гниденко остановил автомобиль в стороне от трассы, после чего Андреев приставил обрез к левой части головного мозга Гниденко, а затем произвел выстрел и убил потерпевшего⁵.

Описывая содержание приготовительных действий, законодатель перечисляет предполагаемые формы их реализации.

Изготовление средств или орудий совершения преступления – это создание их любым способом с целью последующего использования в преступлении для облегчения его совершения или для того, чтобы преступление вообще стало возможным.

Например, изготовление отмычки для проникновения в квартиру с целью хищения чужого имущества.

В некоторых случаях изготовление предметов может быть квалифицировано как окончательное самостоятельное преступление. Например, изготовление фальшивой купюры с целью ее дальнейшей продажи содержит состав самостоятельного преступления (ст. 186 УК РФ).

Приспособление – приведение предметов в такое состояние, которое делает их пригодными для успешного выполнения замышляемого преступления. Приспособление всегда связано с видоизменением уже имеющегося предмета, изменением его физических или технических характеристик, при этом первоначально изменяемый предмет может выглядеть совершенно не угрожающе для охраняемых уголовным законом общественных отношений. Например, заточка ложки для последующего ее применения в убийстве человека.

Приискание – это приобретение любым способом орудий или средств совершения преступления. Способ приискания может быть как правомерный, так и неправомерный, в том числе и преступный. Например, хищение оружия для дальнейшего совершения убийства.

Сговор на совершение преступления – достижение соглашения между двумя и более лицами на совершение преступления. При оценке данной разновидности приготовительных действий следует ориентироваться на положения института соучастия.

Приискание соучастников совершения преступления – активная деятельность, направленная на вовлечение в преступление (за исключением случаев полного психического или физического принуждения) лиц, определенных качества которых облегчают совершение преступления.

Следует помнить, что приискание несовершеннолетних соучастников, выполняемое совершеннолетним субъектом, следует квалифицировать по совокупности преступлений (ст. 150 УК РФ "Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления") и как приготовление к планируемому преступлению.

Приготовление очень трудно доказывается, так как совершение приготовительных действий само по себе не всегда еще свидетельствует о преступном намерении лица, их совершающего. В связи с этим законодатель определил, что уголовная ответственность за приготовление к совершению преступления возникает только тогда, когда приготовление ведется к тяжкому или особо тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

⁴ Благов, Е. Приготовление к преступлению / Е. Благов // Законность. – 2005. – № 1; Редин, М.П. Объективные и субъективные признаки приготовления к преступлению и покушения на преступление / М.П. Редин // Российский следователь. – 2003. – № 1; Ситникова, А. Приготовление к преступлению как внестадийный уголовно-правовой деликт / А. Ситникова // Уголовное право. – 2007. – № 4.

⁵ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 6.04.2005.

Квалификация и назначения наказания за приготовление к преступлению. В практике применения норм уголовного законодательства о приготовлении к преступлению возникают проблемы в понимании такого вида приготовительных действий, как приискание средств или орудий совершения преступления. Трудность связана с пониманием данного вида приготовительной деятельности, как завершенного этапа совершения преступления или как процесса, протяженного во времени.

Под термином "приискание" понимается ряд последовательных действий, характеризующихся направленностью на приобретение в конечном результате средства или орудия совершения преступления.

Так, прокуратурой Республики Башкортостан был привлечен к уголовной ответственности М. за приготовление к убийству и ограблению. Обстоятельствами дела было установлено, что, встретив на рынке Г., М. два раза попросил у него пистолет для убийства и ограбления знакомого, а затем для нападения на продавца магазина.

Он же, встретив председателя колхоза В., просил у него лошадь для совершения ограбления магазина. Ни одно из планируемых преступлений М. не было совершено окончательно. Верховный суд республики Башкортостан признал М. виновным в приготовлении к убийству и ограблению и осудил его за эти преступные действия. Президиум Верховного Суда РФ возвратил дело на дополнительное расследование⁶.

Бородин С.В. считает, что в указанном деле отсутствуют признаки приготовления к совершению убийства. Данное мнение автор обосновывает тем, что во-первых, закон говорит о приискании, а не о приискании средств или орудий преступления, во-вторых, такой вывод делается из точного смысла ч. 1 ст. 30 УК РФ (действия М. были лишь направлены на приискание средств и орудий убийства и ограбления). Однако Президиум Верховного Суда РФ в определении о возвращении дела на дополнительное расследование не указал на необоснованность признания указанных действий М. приготовлением к убийству и ограблению.

Некоторые авторы считают, что мнение С.В. Бородина является не основанным на законодательном определении понятия приготовления к преступлению. Определение приискания средств или орудий совершения преступления, как продолжаемого действия, обосновано функциями, которые выполняют нормы о приготовлении к преступлению, – возможность предотвращения наступления преступных последствий в объективной действительности. Уголовный кодекс РФ стоит на позициях о том, что с момента объективной материализации умысла виновного на совершение преступления в формах, предусмотренных в уголовном законодательстве, деяние виновного является преступным. В данном случае моментом объективной материализации выступает проявление вонне умысла на совершение преступления в виде начала действий по приисканию средств или орудий совершения преступления.

Сам факт завладения необходимым средством или орудием совершения преступления не может расцениваться как приготовление к преступлению в отрыве от предшествовавшего ему процесса, в котором находят отражение другие существенные свойства общественно опасной и наказуемой деятельности – мотив и цель преступления, направленность деятельности на реализацию преступного намерения – активное стремление к осознанной цели⁷.

Наше мнение может быть подкреплено тем, что законодатель в перечне приготовительных действий указывает такой вид приготовления, как приискание соучастников для совершения преступления. Приискание соучастников считается преступным с момента начала приискания (т.е. с момента поступления предложения другому лицу), а не с момента, когда другое лицо согласится совершить совместно преступление. В предложении совершить преступление проявляется уже сформировавшийся умысел на совершение преступления, который нашел объективную материализацию. Однако действий, непосредственно направленных на совершение преступления, еще не совершено, в связи с этим подыскание соучастников на любом из указанных этапов является приготовительным действием.

На таких позициях уже давно стоит судебная практика, которая подтверждает, что в случае, если лицо, которому предложили совершить преступление, отказывается, действия виновного подлежат квалификации как приготовление к преступлению.

В соответствии с вышеизложенным, не вдаваясь в доказанность обстоятельств указанного дела, считаем правильной квалификацию действий М. как приготовление к убийству и ограблению.

Однако не любой процесс подыскивания средств или орудий для совершения преступления является наказуемым по уголовному законодательству. Не любое движение, закончившееся завладением орудием или средством совершения преступления, может оцениваться как приготовление.

Например, в ситуации, когда лицо подбирает с земли случайные предметы (в отличие от ситуации, когда оно их выбирает...), вряд ли можно усмотреть признаки приискания орудия преступления как формы приготовления к его совершению. В данном случае подбор с земли случайных предметов находится вне рамок наказуемой деятельности, в связи со значительной удаленностью от процесса непосредственного совершения намеряемого преступления.

Полагаем возможным на практике выделять не только приготовление, но и его виды (неоконченное и окончательное), потому что они характеризуются объективно различным выполнением действий (бездействия), различной степенью общественной опасности, что должно находить отражение в размере наказания, назначенного виновному.

В уголовном законодательстве данная классификация приготовления к преступлению не нашла закрепления. Однако судебная практика стоит на несколько иных позициях.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, столкнувшись с неоконченным приготовлением, когда имело место приискание соучастников в негодном сговоре, обратила особое внимание на размер и порядок назначения наказания. Потенциальный соучастник являлся сотрудником милиции и записал на магнитофон переговоры с виновным. Судебная коллегия указала на необходимость снижения размера наказания ниже минимального предела, предусмотренного в статье Особенной части Уголовного кодекса РФ, с учетом положения ст. 64 УК РФ.

⁶ Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – М., 2003. – С. 313–314.

⁷ Поротиков, Д.Ю. Проблемы квалификации и назначения наказания за приготовление к преступлению / Д.Ю. Поротиков // Российский следователь. – 2007. – № 12.

Из изученных нами 150 определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ об изменениях приговоров судов первой инстанции, связанных с квалификацией приготовительных действий, за 1998 – 2006 годы в более 40 % определений указано на ошибки судов в назначении наказания. Они по преимуществу заключались в том, что суды не учитывали степень общественной опасности совершенного деяния, данные о личности и другие обстоятельства совершения преступления.

Так, Ярославским областным судом 14 мая 1999 г. К. осужден по ч. 1 ст. 30, п. "а", "в", "г" ч. 2 ст. 162 УК РФ с применением ч. 2 ст. 66 УК РФ к лишению свободы на шесть лет с конфискацией имущества. Он признан виновным в том, что в конце декабря 1998 года в г. Ярославле совершил приготовление к разбойному нападению на Широкову. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев кассационную жалобу адвоката, 29 июля 1999 г. приговор изменила, наказание смягчила, указав, в частности, следующее: "Суд не в полной мере учел степень реализации виновным преступных намерений, его положительную характеристику и то, что каких-либо тяжких последствий для потерпевшей не наступило. Данные обстоятельства следует признать исключительными, существенно уменьшающими степень общественной опасности содеянного К., что позволяет смягчить осужденному наказание с применением требований ст. 64 УК РФ до трех лет и шести месяцев лишения свободы с конфискацией имущества"⁸.

Исходя из анализа обстоятельств указанного дела, приходим к выводу, что суд первой инстанции при назначении наказания учел положения ч. 2 ст. 66 УК РФ и не превысил указанного в ней предела наказания. Санкция ч. 2 ст. 162 УК РФ (в редакции, действовавшей в 1999 г.) предусматривала наказание от семи до двенадцати лет лишения свободы. Половина от указанного размера наказания составляла 6 лет лишения свободы, что меньше минимального предела, предусмотренного в ч. 2 ст. 162 УК РФ. Для сравнения: за совершение оконченного разбоя назначается наказание 7 – 8 лет, при условии что оконченное преступление намного опаснее, чем приготовление к преступлению.

В соответствии с ч. 1 ст. 60 лицу, признанному виновным в совершении преступления, размер наказания устанавливается в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части. Суд первой инстанции, не усмотрев в деянии виновного исключительных обстоятельств, предусмотренных в ст. 64 УК РФ, не имел возможности выйти за указанные пределы.

Суд кассационной инстанции в действительности пошел на нарушение уголовного закона, так как в материалах дела отсутствовали обстоятельства, на которые он сослался в части применения ст. 64 УК. Так, положительная характеристика не может быть отнесена к исключительным обстоятельствам; отсутствие не только тяжких, но и вообще последствий составляет основное отличие приготовления к преступлению как вида неоконченного преступления от оконченного преступления и в силу этого не может быть признано исключительным обстоятельством для применения ст. 64 УК РФ.

По общему правилу приготовление к преступлению обладает значительно меньшей степенью общественной опасности, чем оконченное преступление, что должно получить свое отражение в размере наказания.

В указанном и многих других случаях наказание за приготовление к преступлению практически совпадает с наказанием за оконченное преступление, что противоречит принципу справедливости, закрепленному в ст. 6 УК РФ.

С учетом вышеизложенного считаем необходимым предусмотреть в уголовном законодательстве возможность выхода за минимальные пределы наказания, предусмотренные в соответствующих статьях Особенной части Уголовного кодекса, при назначении наказания за приготовительные действия.

1.3. КВАЛИФИКАЦИЯ ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В соответствии с ч. 3 ст. 30 УК РФ "покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам". Таким образом, квалификация совершенного деяния как покушения на преступление должна происходить при установлении: 1) действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления; 2) умысла; 3) недоведения преступления до конца, причем по не зависящим от лица обстоятельствам.

1. Признак действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, означает, что при покушении на преступление осуществляется деяние, предусмотренное статьей Особенной части уголовного законодательства. Этот признак отличает покушение на преступление как от любого непроступного (пусть и предосудительного) поведения, так и от приготовления к преступлению – создания условий для совершения преступления (ч. 1 ст. 30 УК РФ). Если лицо не приступает к выполнению действий (бездействия), названных в соответствующей статье Особенной части, содеянное ни при каких условиях нельзя квалифицировать в качестве покушения на преступление.

Не случайно Президиум Верховного Суда РФ исключил из приговора и кассационного определения по делу Халдеева и других указание об их осуждении за покушение на хищение наркотических средств как излишне предъявленное. Осужденные, "обсуждая план разбойного нападения на квартиру и предполагая, что кроме ценностей там могут находиться наркотики, высказали намерение завладеть ими в случае их обнаружения. Однако при нападении никаких действий, направленных на завладение наркотиками, они не совершали".

В п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 "О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе" разъяснено, что "не может быть квалифицировано как покушение на дачу или получение взятки либо на коммерческий подкуп высказанное намерение лица дать (получить) деньги, ценные бумаги, иное имущество либо предоставить возможность незаконно пользоваться услугами материального характера в случаях, когда лицо для реализации высказанного намерения никаких конкретных действий не предпринимало"⁹.

Получается, что квалификация содеянного как покушения на преступление предполагает установление того, что лицо приступило к совершению деяния, предусмотренного в Особенной части уголовного законодательства. Однако выявление

⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 5. – С. 6–7.

⁹ Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М., 2001. – С. 115, 1010.

данного признака само по себе недостаточно для уголовно-правовой оценки содеянного. Кроме того, необходимо выявить наличие умысла.

2. Признак совершения умышленных действий (бездействия) сам по себе, конечно, не отличает покушение на преступление от оконченного преступления, но означает, что установление неосторожности сразу исключает квалификацию деяния как покушения на преступление. Поэтому неправильно были оценены судом действия Буракова, фактически повлекшие лишь легкий вред здоровью потерпевшего, в качестве покушения на неосторожное убийство, совершенное в результате преступной небрежности.

Президиум Ростовского областного суда справедливо указал по данному делу, что "в соответствии с законом покушение возможно только при совершении умышленного преступления...".

Известно, что умысел бывает прямым и косвенным (ст. 25 УК РФ). Однако практика обоснованно исходит из того, что покушение на преступление способно быть совершено исключительно с прямым умыслом. Так, в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" разъяснено, что "покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, т.е. когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам (ввиду активного сопротивления жертвы, вмешательства других лиц, своевременного оказания потерпевшему медицинской помощи и др.)".

При таких условиях, казалось бы, очевиден вывод о том, что и установление косвенного умысла сразу исключает квалификацию деяния как покушения на преступление. В то же время само уголовное законодательство, используя термин "умышленное", прямо не ограничивает совершение подобного преступления лишь прямым умыслом.

Вместе с тем покушение на преступление – это умышленные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления или ведущие к совершению оконченного преступления. Конечно, такое может быть и при косвенном умысле, но последним, как признается в теории, всегда охватывается психическое отношение лишь к побочному результату действий (бездействия), ведущих к совершению иного преступления или непреступного деяния, для появления которого лицо вообще ничего не предпринимает. Поскольку для реализации косвенного умысла действия (бездействия) специально не осуществляются, их непосредственная направленность на совершение преступления исключается.

3. Признак недоведения преступления до конца означает, что при покушении на преступление соответствующие действия (бездействие) либо выполняются не в полном объеме, либо не влекут общественно опасные последствия, предусмотренные статьей или частью статьи Особенной части уголовного законодательства. Данное обстоятельство особенно важно для отграничения покушений на преступления от оконченных преступлений. Оно недвусмысленно свидетельствует о невозможности квалификации как покушения на преступление деяний, с помощью которых криминализуются в качестве оконченных преступлений покушения на преступления. Речь идет об усеченных и в некоторых случаях формальных составах.

Например, совершение нападения в целях хищения при разбое уже само по себе без изъятия и обращения в свою пользу чужого имущества образует оконченное преступление (ст. 162 УК РФ); заявление при вымогательстве требования передачи чужого имущества без каких-либо действий, направленных на его получение, также образует такое преступление (ст. 163 УК РФ); оконченным преступлением является и просто посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, лица, осуществляющего правосудие или предварительное следствие, сотрудника правоохранительного органа (ст. 277, 295, 317 УК РФ) без цели воздействия на их профессиональную деятельность или мести за нее.

Определение при уголовно-правовой оценке содеянного, что соответствующие действия (бездействие) были выполнены не в полном объеме, предопределяется их описанием в уголовном законе. Если они не являются одноактными, то вполне могут быть не доведены до конца, а значит, и квалифицироваться как покушение на преступление.

Так, в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 "О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм" разъяснено, что "в тех случаях, когда активные действия лица, направленные на создание устойчивой вооруженной группы, в силу их своевременного пресечения правоохранительными органами либо по другим не зависящим от этого лица обстоятельствам не привели к возникновению банды, они должны быть квалифицированы как покушение на создание банды"¹⁰.

В п. 11 цитированного Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 "О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе" дано пояснение, что "в случаях, когда должностное лицо или лицо, осуществляющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, отказалось принять взятку или предмет коммерческого подкупа, взяткодатель или лицо, передающее предмет взятки или подкупа, несет ответственность за покушение на преступление, предусмотренное статьей 291 УК РФ или соответствующей частью статьи 204 УК РФ". Далее разъяснено, что "если обусловленная передача ценностей не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, пытавшихся передать или получить предмет взятки или подкупа, содеянное ими следует квалифицировать как покушение на получение либо дачу взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе".

Дело обстоит несколько иначе, если состав преступления включает альтернативные виды соответствующих действий (бездействия). Так, в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Юрьева сказано: "Диспозиция ч. 1 ст. 222 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконное приобретение, передачу, сбыт, хранение или ношение боеприпасов. Совершение любого из указанных в диспозиции действий образует оконченный состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 222 УК РФ. Поэтому действия лица, которое незаконно приобрело, хранило, перевозило и носило боеприпасы, а затем пыталось их сбыть, квалифицируются по ч. 1 ст. 222 УК РФ. В данном случае дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 30 УК РФ не требуется".

Получается, что совершение хотя бы одного из альтернативных действий в полном объеме исключает уголовно-правовую оценку как покушения на преступление другого действия, выполненного лишь частично. При таких условиях в

¹⁰ О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 № 1.

исполненном полностью действии уже содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом. Значит, согласно ч. 1 ст. 29 УК РФ указанное действие подлежит квалификации в качестве оконченного преступления. Все остальные действия из фактически совершенного деяния юридического значения при его оценке не имеют.

Изложенная уголовно-правовая оценка содеянного при совершении отраженных в составе преступления альтернативных действий и в полном объеме, и частично может вызвать сомнение из-за того, что не охватывает альтернативные действия. Вместе с тем при назначении наказания такой недостаток вполне преодолим. Зато дополнительная квалификация деяния из-за вменения покушения на преступление допускает повышение наказуемости содеянного в соответствии со ст. 69 УК РФ. В результате более опасный преступник (выполнивший полностью несколько альтернативных в составе преступления действий, оцениваемых только в качестве оконченного преступления) способен получить преимущество перед менее опасным (одно из действий выполнившим не в полном объеме).

Сложнее решается вопрос о юридической оценке покушения на преступления в связи с ненаступлением общественно опасных последствий, предусмотренных статьей или частью статьи Особенной части уголовного законодательства. Дело в том, что при таких условиях в содеянном могут содержаться и признаки оконченного менее тяжкого преступления. Однако умысел лица охватывает и не наступившие последствия. Видимо, из этого исходит практика при квалификации деяния как покушения на хищение чужого имущества в крупном размере, независимо от количества фактически похищенного, когда умысел виновного был направлен на завладение имуществом в крупном размере и не был осуществлен по не зависящим от него обстоятельствам¹¹.

Поэтому возможность уголовно-правовой оценки покушения на преступления в связи с ненаступлением общественно опасных последствий, предусмотренных статьей или частью статьи Особенной части уголовного законодательства, должна зависеть от места нахождения в соответствующей статье указания на причиненные последствия. Это вполне соответствует положениям ч. 1 ст. 29 УК РФ об оконченном преступлении, которое появляется, как только причиненные последствия достигают показателя, охватываемого умыслом и признаком состава преступления, предусмотренного в данной статье или части статьи Особенной части. Дальнейшее "нарастание" вреда в рамках этой статьи или части статьи юридического значения для квалификации деяния не имеет.

"Избыток" умысла, не охватываемый рассматриваемой уголовно-правовой оценкой преступления, смущать не должен. Он вполне может быть учтен при назначении наказания. Однако квалификация деяния в качестве покушения на преступление из-за "отрицательных" последствий влечет снижение наказуемости содеянного в соответствии со ст. 66 УК РФ. В результате более опасный преступник (например, убивший двоих и ранивший одного потерпевшего) получает преимущество перед менее опасным (только убившим двоих лиц).

Отсюда следует общий вывод о том, что только если умысел лица включал наступление общественно опасных последствий, предусмотренных в статье или части статьи Особенной части Уголовного кодекса, устанавливающей ответственность за более опасную разновидность преступления, чем фактически причиненные, содеянное должно получать юридическую оценку в качестве покушения на преступление.

Если же умысел лица включал наступление общественно опасных последствий, предусмотренных той же статьей или частью статьи Особенной части, что и фактически причиненные, то содеянному надлежит давать уголовно-правовую оценку уже в качестве оконченного преступления.

Наконец, деяние способно быть квалифицированным как покушение на преступление при наличии соответствующей фактической ошибки в поведении лица. При этом известное общее правило уголовно-правовой оценки содеянного исходит из того, что ошибочное представление лица о наличии фактических обстоятельств (при отсутствии их в действительности) влечет ответственность за покушение на совершение преступления с указанными обстоятельствами. Судебная практика давно исходит из этого.

Так, по делу Сучкова, ружье которого при выстреле дало осечку, указано, что осужденный "думал, что из его ружья можно стрелять и, следовательно, можно убить человека. Поэтому он должен нести уголовную ответственность за покушение на убийство. Кроме того, покушение с негодными средствами, по общему правилу, влечет за собой уголовную ответственность, так как негодное покушение свидетельствует об общественной опасности личности преступника".

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами" указывает, что покупатели, которые вместо наркотических, психотропных, сильнодействующих или ядовитых приобрели какие-либо иные средства или вещества, "при наличии предусмотренных законом оснований могут нести ответственность за покушение на незаконное приобретение наркотических средств, психотропных, сильнодействующих или ядовитых веществ".

В п. 20, 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 "О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе" говорится, что действия виновного, передавшего для совершения желаемого для него действия (бездействия) ценности ненадлежащему должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также лицу, не намеревавшемуся передать их по назначению, "подлежат квалификации как покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп".

В п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 "О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств" разъяснено, что, "если лицо похитило непригодные к функциональному использованию огнестрельное оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, заблуждаясь относительно их качества и полагая, что они исправны, содеянное следует квалифицировать как покушение на хищение огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств"¹².

¹¹ Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11.07.1972 № 4 "О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества" // Сборник действующих Постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / отв. ред. В.И. Радченко. – М., 1999. – С. 257.

¹² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 5. – С. 5.

Однако и само по себе недоведение преступления до конца еще не дает оснований для уголовно-правовой оценки деяния в качестве покушения на преступление. По действующему законодательству существенным моментом является еще и то, почему преступление не было доведено до конца.

Согласно закону покушением признается лишь такое недоведение преступления до конца, которое произошло по не зависящим от лица обстоятельствам. Под такими обстоятельствами понимаются внешние по отношению к желанию виновного факторы, помешавшие завершению преступления. По этому признаку покушение на преступление отграничивается от добровольного отказа от преступления, который происходит при осознании лицом возможности доведения преступления до конца (ч. 1 ст. 31 УК РФ), т.е. по обстоятельствам, зависящим от него.

Соответственно, для квалификации покушения на преступление с учетом названного признака главное – установить, по каким именно обстоятельствам преступление не доводится до конца.

Примером прекращения преступных действий вследствие причин, возникающих помимо воли виновного, может послужить дело Л., осужденного за убийство. Как следовало из обстоятельств дела, Л. бил потерпевшую камнем, куском бетона, душил ее металлическим проводом.

Поэтому его слова "Все, больше не могу" следует расценивать как проявление усталости, возникшей в процессе совершения убийства, а не как добровольный отказ от преступления, потому что он сделал все возможное для того, чтобы убить Б. Действия М., выразившиеся в вызове скорой помощи, суд признал обстоятельством, смягчающим наказание". Содеянное при вынужденных отказах должно считаться покушением на преступление¹³.

Установление признака недоведения преступления до конца по не зависящим от лица обстоятельствам уже дает окончательный вывод о квалификации покушения на преступление. Выявлять что-либо еще нет необходимости.

Покушение на преступление следует отличать от приготовления к преступлению и от оконченного преступления.

Покушение отличается от приготовления по следующим признакам:

– в отличие от приготовления к преступлению при покушении субъект оказывает непосредственное воздействие на объект совершаемого преступления. Например, преступник повалил жертву на землю и пытался совершить изнасилование, но по физиологическим причинам ему это не удалось. В этом случае половая неприкосновенность и половая свобода потерпевшей находилась в реальной опасности;

– при покушении в отличие от приготовления виновное лицо совершает действие (бездействие), непосредственно направленное на совершение преступления. Это означает, что оно начинает или продолжает выполнение объективной стороны преступления. Например, субъект, похитив сумку с вещами, скрылся от потерпевшего, но тем не менее был задержан.

От оконченного преступления покушение отличается лишь одним признаком – отсутствием общественно опасного последствия. Определение того, завершено ли деяние, зависит от специфики объективной стороны совершаемого преступления. При покушении на преступление с материальным составом отсутствует предусмотренный уголовно-правовой нормой преступный результат. Покушение на преступление с формальным составом характеризуется неполным выполнением объективной стороны преступления.

В теории уголовного права различаются следующие виды покушения:

- неоконченное;
- оконченное.

Оконченное покушение в свою очередь подразделяется на:

- покушение на негодный объект;
- покушение с негодными средствами.

Покушение на негодный объект – когда виновное лицо сознательно направляет свою деятельность на какой-нибудь объект, но его действия в силу допустимой ошибки в действительности не причиняют ему вреда.

1. Например, лицо, с целью совершения убийства, стреляет в, как ему казалось, живого, спящего человека, но на самом деле данный человек умер во сне от сердечного приступа. Следовательно, виновное лицо пытается убить уже мертвого человека. В этом случае действия виновного лица следует квалифицировать как покушение на убийство. Критерием данной квалификации будет выступать умысел виновного, направленный на совершение убийства.

2. Например, лицо, с целью совершения тайного хищения (кража) вскрывает сейф, на самом деле сейф пуст.

Покушение с негодными средствами – представляет собой попытку совершить преступление с помощью таких средств и орудий, которые объективно в данном конкретном случае не могут причинить вреда (фактическая ошибка в средствах совершения преступления). При этом имеется умысел на совершение преступления, однако преступление не может быть окончено в силу того, что примененные средства не способны здесь и сейчас привести к осуществлению преступного деяния.

Так, покушением с негодными средствами следует признать попытку лица убить потерпевшего из ружья, которое оказалось неисправным, или попытку отравить порошок, ошибочно принимаемым виновным за яд. Таким образом, при негодном покушении имеет место попытка реализации преступного умысла, действия виновного направлены на достижение преступного результата, однако последний не наступает по не зависящим от лица обстоятельствам (вследствие фактической ошибки). Поэтому негодное покушение надлежит квалифицировать как покушение на то преступление, совершить которое намеревался виновный.

Примером покушения с негодными средствами является дело С., который пытался убить управляющего совхозом Ш. Наведя ружье на потерпевшего, С. нажал на курок, однако из-за неисправности спускового механизма выстрела не произошло; как показал С., он не знал о неисправности ружья, поскольку ходил с ним до того на охоту. Верховный Суд РФ признал обоснованным осуждение С. за покушение на убийство¹⁴.

В Постановлении Президиума Верховного Суда РФ по указанному делу упоминается о выделяемой разновидности покушения с негодными средствами – покушении с явно негодными средствами, т.е. покушении на преступление с использо-

¹³ Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М., 2001. – С. 116.

¹⁴ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1963. – № 4. – С. 5–6.

ванием суеверий, наговоров, магии и тому подобных средств, объективно не способных в силу современных знаний о природе вещей и причинно-следственных закономерностях объективной действительности повлечь общественно опасные последствия, желаемые лицом.

Как указал Верховный Суд РФ, такое негодное покушение (когда субъект в силу суеверия или явного невежества пытается посредством сверхъестественных сил причинить кому-либо вред) не влечет уголовной ответственности и расценивается как своеобразное обнаружение умысла. К этому необходимо сделать одно важное уточнение: ненаказуемым обнаружением умысла такие действия будут только в том случае, если они используются лицом по суеверию или явному невежеству; лицо, осознанно использующее якобы сверхъестественные силы с целью причинить вред здоровью и даже жизни впечатлительных людей, в случае наступления общественно опасных последствий подлежит уголовной ответственности.

Если действия, совершенные лицом при покушении на одно преступление, содержат одновременно признаки иного оконченного преступления, все содеянное надлежит квалифицировать по правилам идеальной совокупности как оконченное преступление и как покушение на другое преступление. Например, лицо на почве личных неприязненных отношений поджигает дом потерпевшего в ночное время, с тем чтобы лишить его жизни. Однако потерпевшему удается спастись. Квалификация содеянного должна осуществляться по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК, а также по ч. 2 ст. 167 УК.

Следует также обратить внимание на то, что квалификация действий как покушение на преступление является в ряде случаев юридической фикцией: в реальности оконченные по своему фактическому содержанию действия квалифицируются как покушение. Такой прием квалификации обусловлен субъективной фактической ошибкой виновного в отношении объективных признаков совершаемого деяния: им предполагается существование неких обстоятельств, влияющих на квалификацию содеянного, однако в реальности они отсутствуют.

Так как покушение на незаконное приобретение наркотических средств следует квалифицировать действия лица, приобретающего сбываемые ему под видом наркотиков вещества¹⁵, изнасилование потерпевшей, ошибочно полагаемой несовершеннолетней, подлежит квалификации по ч. 3 ст. 30, п. "д" ч. 2 ст. 131 УК; и т.п.

УК РФ предусматривает обязательное снижение наказания за покушение на преступление. Статья 66 УК РФ гласит: "Срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего кодекса за оконченное преступление". И далее: "Смертная казнь и пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению и покушение на преступление не назначаются" (ч. 4 ст. 66 УК РФ).

Так, например, С. осужден по ст. 228 ч. 4 УК РФ к 7 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

По приговору суда, с учетом внесенных изменений, С. осужден за покушение на сбыт наркотических средств.

Преступление совершено 13 марта 2002 года в г. Орске при обстоятельствах, изложенных в описательной части приговора.

В надзорной жалобе С. ссылается на то, что суд надзорной инстанции, переквалифицировав его действия на ст. 30 ч. 3, 228 ч. 2 УК РФ, назначил ему наказание без учета требований ст. 66 УК РФ.

Проверив материалы дела, обсудив доводы С., изложенные в надзорной жалобе, Судебная коллегия находит, что приговор Советского районного суда г. Орска Оренбургской области от 20 июня 2002 года, постановление Новотроицкого городского суда Оренбургской области от 20 января 2005 года, постановление президиума Оренбургского областного суда от 9 июня 2007 года подлежат изменению по следующим основаниям.

Как усматривается из представленных материалов, пересмотрев в порядке надзора постановление о приведении приговора в отношении С. в соответствие с действующим законом, президиум Оренбургского областного суда обоснованно переквалифицировал действия осужденного на ст. ст. 30 ч. 3, 228 ч. 2 УК РФ.

Вместе с тем, назначая С. наказание за неоконченное преступление в виде 6 лет 9 месяцев лишения свободы, суд надзорной инстанции не принял во внимание и не учел требования ч. 3 ст. 66 УК РФ, согласно которым срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ за оконченное преступление.

Поскольку максимальный срок наказания за преступление, предусмотренное ст. 228 ч. 2 УК РФ (в ред. от 13.06.1996) составляет 7 лет лишения свободы, то за покушение на совершение указанного преступления срок назначенного наказания не может превышать 5 лет 3 месяцев лишения свободы¹⁶.

¹⁵ Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.07.2006 № 14 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами".

¹⁶ Надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2007 № 47-Д07-19.

2. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Преступление признается оконченным, если в совершенном деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного действующим Уголовным кодексом (ч. 1 ст. 29 УК РФ).

Преступление будет признаваться оконченным, когда налицо все четыре элемента состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона).

В зависимости от той стадии, на которой прекратилось осуществление действий (бездействия) субъекта преступления по его реализации, различают оконченные и неоконченные преступления.

В то же время среди неоконченных преступлений следует различать преступления, прерванные по независящим от лица обстоятельствам, и добровольно не оконченные. К данной (первой) группе относятся приготовление к преступлению и покушение на его совершение, рассматриваемые в доктрине уголовного права как виды предварительной преступной деятельности.

Предварительная преступная деятельность характеризуется осуществлением действий (бездействия) по подготовке и совершению умышленного преступления, если эти действия, по независящим от субъекта преступления обстоятельствам, не привели к достижению цели, охватываемой умыслом преступника. В соответствии с ч. 2 ст. 29 УК РФ именно приготовление к совершению преступления и покушение на его совершение признаются неоконченным преступлением.

От преступления, прерванного помимо воли совершающего его лица на стадии приготовления или покушения, следует отличать добровольно не оконченные преступления, при совершении которых общественно опасные последствия не наступают в силу добровольного отказа лица от совершения оконченного преступления.

Понятие оконченного преступления впервые в уголовном законодательстве РФ дано в ч. 1 ст. 29 УК РФ, согласно которой преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ.

Анализируя момент окончания того или иного преступления, необходимо заострить внимание на особенности правовой конструкции соответствующего состава преступления, в зависимости от которой наука уголовного права различает преступления с формальными и материальными составами.

Совершение преступления, имеющего материальный состав, следует считать оконченным при наступлении последствий, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, например: смерть – при убийстве (ст. 105 УК РФ); вред здоровью – при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ); массовое заболевание или отравление людей – при нарушении санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ) и т.д. Преступления с материальными составами характеризуются также и наличием причинной связи между действием или бездействием лица и наступившими последствиями.

В то же время отсутствие каких-либо последствий при совершении преступления с материальным составом исключает оконченное преступление, следовательно, ответственность наступает только за покушение. Например, при совершении преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ (кража), преступление может считаться оконченным при наступлении определенных последствий – причинении собственнику имущественного ущерба. Но если же такие последствия не наступили, то деяние следует квалифицировать как покушение на кражу. Отсюда ясно, что, если преступнику удалось вынести похищенное из ограбленного помещения, преступление считается оконченным; однако, например, если возникли какие-либо независящие от него обстоятельства, воспрепятствовавшие этому (например, включилась сирена охранной сигнализации, входная дверь оказалась заблокирована и т.п.), – деяние будет квалифицироваться как покушение на совершение кражи.

При совершении преступлений, имеющих формальный состав, общественную опасность представляют сами действия (бездействие), независимо от наступления последствий. Это означает, что преступление с формальным составом считается оконченным с момента совершения всех действий (бездействия), образующих объективную сторону соответствующего состава преступления. Например, преступление, предусмотренное ст. 125 УК РФ (оставление в опасности), следует считать оконченным с момента оставления потерпевшего в опасности, независимо от наступления последствий.

К формальным относятся составы таких преступлений, как создание незаконного вооруженного формирования или участие в нем; заведомо незаконное задержание; незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации; публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации; оставление в опасности; нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений; похищение чловека; оскорбление; незаконное усыновление и др.

Характерно, что для квалификации преступления с формальным составом не требуется наступления конкретных вредных последствий, которые в некоторых случаях не поддаются фиксации и измерению (например, мера обиды потерпевшего от оскорбления) и т.п.

В качестве разновидности формального состава преступления в науке уголовного права выделяют и так называемый усеченный состав. Момент окончания преступлений с усеченным составом совпадает с моментом совершения первых действий, направленных на достижение преступных целей.

Имеющими конструкцию усеченного состава условно можно назвать такие преступления, как бандитизм, организация преступного сообщества (преступной организации), разбой. Однако выделение в качестве самостоятельного вида такого состава, как усеченный, имеет конечно же, больше теоретическое значение и не играет роли при квалификации деяния.

Следует согласиться с профессором А.Н. Трайниным, который высказал мнение о том, что выделение усеченных составов способно привести к серьезным ошибкам в судебной практике. В подтверждение тому А.Н. Трайнин приводит убедительные доводы: "Состав всегда един и всегда "полон" теми конкретными элементами, из которых он по закону складывается. Отсутствует один из этих элементов – нет состава; имеются все элементы – имеется всегда "весь", "полный" состав. Половинчатого, частичного, "усеченного" состава быть не может"¹⁷.

В силу ст. 209 УК РФ "бандитизм" объективная сторона данного состава преступления определена как "создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой)". С позиций общей теории уголовного права эти действия можно было бы рассматривать как приготовление к совершению преступлений (создание условий для совершения преступления, сговор с целью совершения преступления), но, учитывая повышенную общественную опасность подобной преступной деятельности, законодатель признал такие действия оконченным преступлением с момента создания такой банды, при этом сформулировав признаки объективной стороны данного состава преступления именно так, а не иным образом.

При совершении оконченного преступления субъективная сторона состава преступления совпадает с его проявлением вовне, т.е. реализуется в объективной стороне соответствующего состава преступления. При невозможности для виновного довести преступное деяние до конца, т.е. при совершении им неоконченного преступления, преступный умысел находит выражение во внешних действиях субъекта преступления лишь отчасти.

В этом заключается основное отличие неоконченного преступления от оконченного¹⁸.

Есть смысл подчеркнуть, что приготовление или покушение на одно преступление может образовывать самостоятельный состав другого оконченного преступления. Так, приготовление к совершению убийства, выразившееся, например, в незаконном приобретении огнестрельного оружия, является самостоятельным преступлением, предусмотренным ст. 222 УК РФ. Квалификация такого деяния в данном варианте осуществляется по совокупности преступлений.

Характерно, что до принятия действующего УК РФ прямого указания на необходимость при квалификации содеянного ссылаться на статью Общей части УК об ответственности за совершение неоконченного преступления в законе не содержалось. Деяния, составляющие содержание предварительной преступной деятельности, квалифицировались только по соответствующей статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за оконченное преступление.

Следует обратить внимание, что рядом особенностей отличается момент окончания длящихся и продолжаемых преступлений. Длящееся преступление образует действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования¹⁹.

Моментом фактического окончания длящегося преступления (установление которого необходимо для определения уголовного закона, по которому следует квалифицировать преступление) признается его реальное завершение вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления (например, вмешательство органов власти).

Например, фактическим моментом окончания дезертирства (ст. 338 УК) является факт задержания дезертира (или явка с повинной). Но юридически такое преступление является оконченным с момента совершения действия, за которым следует непрерывное длительное невыполнение обязанности (например, оставление воинской части).

Продолжаемым признается деяние, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление²⁰. Продолжаемое преступление признается и фактически, и юридически оконченным с момента совершения последнего преступного действия (бездействия). Типичным примером продолжаемого преступления является повторяющаяся объединенная единым умыслом растрата денежных средств, вверенных виновному (ст. 160 УК): данное преступление следует квалифицировать как оконченное с момента совершения последнего преступного действия, охватываемого единым умыслом виновного²¹.

2.2. ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ

Деятельное раскаяние как вид положительного посткриминального поведения следует отличать от добровольного отказа от преступления (ст. 31 УК РФ), имеющего с первым некоторое сходство.

В УК РСФСР 1960 года содержалось положение, согласно которому лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежало уголовной ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержало состав иного преступления (ст. 16). В уголовно-правовой норме не упоминалось об окончательности отказа как обязательном признаке, осознании лицом возможности доведения преступления до конца, особенностях добровольного отказа соучастников (организаторов, подстрекателей и пособников).

В УК РФ дается более развернутое определение добровольного отказа. Добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Отказ должен быть добровольным и окончательным.

Примером добровольного отказа может служить дело П. и других покушавшихся на угон автомобиля (ст. 166 УК) при следующих обстоятельствах. Ворвавшись в квартиру потерпевшего, они потребовали ключи от автомобиля с целью его угона. Однако К. заявил, что ключи и документы от автомобиля находятся у его жены, которой нет дома, хотя они были у него в

¹⁷ Трайнин, А.Н. Общее учение о составе преступления / А.Н. Трайнин. – М., 1957. – С. 99–100.

¹⁸ Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – М., 1955. – С. 15 – 20.

¹⁹ Пункт 1 Постановления 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4.03.1929 "Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям" // Судебная практика по уголовным делам / сост. Г.А. Есаков. – М., 2005. – С. 6–7.

²⁰ Пункт 2. Там же.

²¹ Пункты 11, 14 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11.07.1972 № 4 "О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества" // Судебная практика по уголовным делам / сост. Г.А. Есаков. – М., 2005. – С. 23 – 28.

пиджаке. Поверив ему, нападавшие ключами не завладели и в целях хищения чужого имущества стали искать в шкафах ценные вещи и деньги.

Верховный Суд РФ расценил эти действия как добровольный отказ от преступления, поскольку ничто не препятствовало виновным обыскать карманы потерпевшего и завладеть ключами от автомобиля; даже отсутствие ключей не мешало совершить угон автомобиля, используя иные средства и способы, но никаких действий к этому они не предприняли; как указал суд, характер действий осужденных свидетельствует о том, что, после того как их требование отдать им ключи было отвергнуто, они добровольно и окончательно отказались от доведения этого преступления до конца²².

Деятельное раскаяние – это поощряемое государством сознательное добровольное положительное поведение виновного лица после совершения преступления, направленное на минимизацию или полное устранение вредных последствий содеянного, а также на оказание содействия правоохранительным органам в раскрытии совершенного преступления. Деятельное раскаяние выражается в позитивном постпреступном поведении, свидетельствующем о деятельном раскаянии: явке с повинной, активном способствовании раскрытию преступления, возмещению ущерба и иным действиям, направленным на заглаживание вреда, причиненного в результате преступления.

Добровольный отказ отличается от деятельного раскаяния следующими моментами. Добровольный отказ от преступления возможен лишь при умышленной преступной деятельности, поскольку законодатель говорит о прекращении лицом приготовления к преступлению или действий, непосредственно направленных на совершение преступления. Субъективная составляющая присуща лишь умышленным преступлениям, совершаемым к тому же с прямым умыслом. Напротив, деятельное раскаяние может сопровождать и неосторожные преступления.

Например, лицо, причинившее умышленный вред здоровью потерпевшего, проявляет активную заботу о его лечении, дополнительном питании, внимание к проблемам его близких, послелечебном восстановлении здоровья.

Следующее различие характеризует временные границы осуществления добровольного отказа и деятельного раскаяния. Добровольный отказ от преступления возможен лишь на первых двух стадиях совершения преступления – подготовительные действия и исполнение состава преступления до наступления общественно опасных последствий или прекращение преступления по обстоятельствам, не зависящим от воли лица. Деятельное раскаяние возможно только тогда, когда преступление окончено (наступили общественно опасные последствия) либо прервано по обстоятельствам, не зависящим от воли лица.

Добровольный отказ может заключаться как в активном поведении (действиях), так и пассивном (бездействии). Деятельное же раскаяние потому и называется деятельным, что выражается только в активном поведении лица, совершившего преступление.

При добровольном отказе от совершения преступления в действиях лица отсутствует состав преступления (за исключением случаев, когда в совершенных до добровольного отказа действиях содержится состав иного преступления). Добровольный отказ возможен только до момента, когда лицо еще сохраняет контроль над дальнейшим ходом событий. В отличие от этого деятельное раскаяние возникает с момента, когда преступление считается оконченным, т.е. содержатся все признаки состава преступления.

Различия состоят и в правовых последствиях. В связи с отсутствием состава преступления уголовная ответственность при добровольном отказе от преступления не наступает в силу ст. 8 УК РФ. Основанием такой ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Деятельное раскаяние по общему правилу не исключает уголовную ответственность, так как речь идет об оконченом либо прерванном по независящим от лица обстоятельствам преступлении, следовательно, сохраняется основание для уголовной ответственности. Законодатель придает деятельному раскаянию значение обстоятельства, освобождающего от уголовной ответственности, только при наличии определенных условий, указанных в законе.

В уголовно-правовой литературе нет единства в определении юридической природы добровольного отказа. Одни юристы относят его к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, другие – к исключающим состав, третьи – к освобождающим от уголовной ответственности²³. Так, В. Сверчков полагает, что добровольный отказ является разновидностью именно освобождения от уголовной ответственности, но не потому, что отсутствует состав преступления. Преступное деяние, которое лицо отказывается довести до конца, содержит в себе состав неоконченного преступления, реализовать уголовную ответственность в связи с которым нецелесообразно ввиду изменения отношения к преступлению в сознании и поведении лица, его совершающего. Если же абстрагироваться от наличия в этом случае состава преступления, то непременно возникнут затруднения в юридической квалификации деяния как приготовления к преступлению или покушения на преступление.

По мнению В. Сверčkova, появятся вопросы: как установить наличие предварительной именно преступной деятельности? Нужно ли привлекать лицо к уголовной ответственности за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению, если оно отказалось от его совершения лишь на стадии покушения? Какова грань между наличием и отсутствием состава преступления при оконченом покушении и добровольном отказе от преступления? На каком основании привлекать лицо к уголовной ответственности, если в ходе судебно-следственного разбирательства выяснится, что оно добровольно, но не окончательно отказалось от доведения преступления до конца, а равно если добровольно и окончательно отказавшийся от преступления организатор или подстрекатель не смог предотвратить его совершение исполнителем?

Как полагает В. Сверчков, состав неоконченного преступления свидетельствует не только о возникшей уголовной ответственности, но и о том, что при наличии достаточной совокупности фактических данных лицу должно быть предъявлено обвинение, а следовательно, уголовная ответственность может быть реализована. Однако виновный должен не только добровольно и окончательно отказаться от доведения преступления до конца, но и не совершить другого преступления. При

²² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 3. – С. 11.

²³ Курс советского уголовного права : в 6 т. – М. : Наука, 1970. – Т. 2. – С. 433; Панченко, П.Н. Стадии совершения преступления : лекция / П.Н. Панченко. – Н. Новгород, 1995. – С. 37; Уголовное право. Часть Общая : в 4 т. : учебное пособие. – Екатеринбург, 1995. – Т. 4. – С. 28.

наличии этих условий виновное лицо освобождается от уголовной ответственности, а если придерживаться законодательной терминологии, то не привлекается к уголовной ответственности²⁴.

Позиция В. Сверчкова ошибочна. Во-первых, приготовление и покушение не стадии преступления, а виды неоконченного деяния (ч. 2 ст. 29 УК РФ). Термин "стадии совершения преступления" в УК РФ не встречается (глава 6 называется "Неоконченное преступление"). О стадиях говорится лишь в теории уголовного права. При этом нередко смешиваются понятия "стадия" и "неоконченное деяние".

Развитие преступной деятельности может проходить следующие стадии: подготовительные действия, исполнение состава преступления и наступление общественно опасных последствий.

Во-вторых, место добровольного отказа в главе "Неоконченное преступление" УК РФ выбрано законодателем не случайно. Существует три вида неоконченного деяния: два из них – приготовление и покушение, прерванные по независящим от лица обстоятельствам, третье – добровольно прекращенное преступление (добровольный отказ).

В-третьих, утверждать об освобождении от уголовной ответственности в случае добровольного отказа нельзя. Освобождение возможно лишь тогда, когда существует основание для уголовной ответственности. Таким основанием согласно ст. 8 УК РФ является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Кодексом. Если же нет основания уголовной ответственности, не от чего и освобождать. В случае добровольного отказа состава оконченного или неоконченного преступления нет, поэтому освобождение от уголовной ответственности невозможно.

В-четвертых, отказ от признания наличия состава неоконченного преступления в деянии лица, добровольно отказавшегося от совершения преступления, по мнению В. Сверчкова, приведет к неразрешимым проблемам квалификации. Однако эти проблемы надуманны. Непонятно, зачем добровольный отказ необходимо оценивать с точки зрения наличия в нем признаков приготовления или покушения?

При добровольном отказе нет признаков ни уголовно наказуемого приготовления, ни покушения. Принципиальное значение имеет лишь отсутствие общественно опасных последствий (незавершенность деяния по воле лица). Но даже при необходимости установить стадию, на которой имел место добровольный отказ, сделать это просто: если была подготовка к совершению преступления, но лицо не приступило к исполнению действий, непосредственно направленных на преступный результат, то это стадия подготовительных действий; если же лицо приступило к совершению этих действий, наступила вторая стадия (исполнение состава).

Вопрос о том, нужно ли привлекать лицо к уголовной ответственности за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению, если оно отказалось от его совершения лишь на стадии покушения, предполагает отрицательный ответ. Приготовление суть неоконченное, прерванное по независящим от лица обстоятельствам деяние. Здесь же оно не прерывается сознательно, и деяние полностью прекращается до наступления общественно опасных последствий на второй стадии.

Какова грань между наличием и отсутствием состава преступления при оконченном покушении и добровольном отказе от преступления? Само деление покушения на оконченное и неоконченное неоднократно критиковалось. Грань совершенно четкая: любое покушение, прерванное по независящим от лица обстоятельствам, есть деяние, в котором наличествует состав неоконченного преступления. Если же деяние не прерывается и лицо до наступления последствий их предотвращает – это добровольный отказ, в котором нет состава преступления.

Какое может быть основание привлечения к уголовной ответственности, если в ходе судебно-следственного разбирательства выяснится, что лицо добровольно, но не окончательно отказалось от доведения преступления до конца, а равно если добровольно и окончательно отказавшийся от преступления организатор или подстрекатель не смог предотвратить его совершение исполнителем?

Что касается первого случая, квалификация содеянного зависит от того, по какой причине деяние не было осуществлено и на какой стадии прекращено субъектом. При наличии признаков приготовления или покушения ответственность наступает на основании норм о тех преступлениях, которые планировались, со ссылкой на ст. 30 УК РФ. В некоторых случаях субъект переносит совершение преступления на более благоприятный момент, полагая, что более раннее его совершение затруднительно из-за очевидцев, противодействия со стороны потерпевшего и т.д., т.е. существуют все основания полагать наличие обстоятельств, препятствующих доведению преступления до конца. Поскольку о добровольном отказе можно утверждать лишь тогда, когда лицо осознает возможность беспрепятственного завершения преступления, отказ не может признаваться добровольным и окончательным. Следовательно, уголовная ответственность наступает на общих основаниях за неоконченное преступление (приготовление или покушение).

Ученые-юристы обсуждают вопрос о том, возможен ли добровольный отказ в случае так называемого оконченного покушения. Последнее имеет место тогда, когда лицо выполнило все действия, необходимые с его точки зрения для совершения преступления, а результат не наступил по обстоятельствам, от него не зависящим. Это субъективная теория. Согласно объективной теории оконченное покушение имеет место тогда, когда лицо выполнило все необходимое для достижения преступного результата, но последний не наступает по вышеуказанным причинам.

Сторонники деления покушения на виды (оконченное и неоконченное) полагают, что добровольный отказ от преступления возможен только тогда, когда лицо еще не выполнило всех тех действий, которые оно считало необходимым выполнить для совершения преступления. Другими словами, добровольный отказ при оконченном покушении невозможен.

Некоторые юристы считают, что добровольный отказ возможен на этой стадии, но в сравнительно редких случаях, когда виновный еще сохраняет контроль над дальнейшим ходом событий (в частности, над развитием причинной связи в преступлениях с материальным составом)²⁵. Если контроль отсутствует, а лицо ничего не может больше сделать для предотвра-

²⁴ Сверчков, В. Место добровольного отказа от преступления в системе уголовного законодательства / В. Сверчков // Уголовное право. – 2001. – № 2. – С. 29.

²⁵ Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления / Н.Д. Дурманов // Советское уголовное право. Часть Общая. – М., 1969. – С. 226; Панченко П.Н. Указ. раб. – С. 36.

щения преступления, то активные положительные действия виновного следует рассматривать при наличии обстоятельств, указанных в законе, как деятельное раскаяние²⁶.

Обязательным признаком любого покушения является отсутствие общественно опасных последствий, которые не наступают по независящим от лица обстоятельствам. В противоположность этому при добровольном отказе преступный результат не наступает по зависящим от воли лица обстоятельствам, поскольку оно, сознавая возможность завершения преступления, добровольно и окончательно от него отказывается. Следовательно, понятия покушения и добровольного отказа взаимоисключающие.

Если деяние уже прервано по независящим от лица обстоятельствам (приготовление или покушение), добровольный отказ невозможен. От чего отказываться исполнителю, если продолжение деяния невозможно? Напротив, даже при совершении лицом всех действий, субъективно и (или) объективно необходимых для достижения преступного результата, если последний еще не наступил, добровольный отказ возможен, правда, в форме активных действий. Как справедливо отмечает Н.Ф. Кузнецова, такой отказ может иметь место при совершении тех сравнительно немногочисленных преступлений, где преступный результат не наступает сразу же за действиями исполнителя, когда некоторое время продолжается развитие причинной связи²⁷. Так, при убийстве путем отравления медленно действующим ядом, поджога дома действия лица по исполнению преступления заканчиваются, но развитие причинной связи вовне еще продолжается.

Преступный результат наступает спустя определенное время. Если в течение этого времени лицо добровольно предотвращает общественно опасные последствия, оно не подлежит уголовной ответственности в силу ст. 31 УК РФ.

Все это не позволяет согласиться с мнением В. Сверчкова, полагающего, что правовая природа нормы о добровольном отказе близка к освобождению от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, "с той лишь разницей, что в ней речь идет не о послепреступном раскаянии, а о раскаянии в процессе криминального поведения"²⁸.

Как известно, мотивы добровольного отказа не имеют уголовно-правового значения, кроме того, далеко не всегда свидетельствуют о раскаянии.

Добровольный отказ содержится и в действиях лица, которое отказывается от доведения преступления до конца под воздействием просьб, уговоров или даже угроз жертвы, если последние не исключали полностью или не делали маловероятным успех выполнения преступления²⁹.

Таким образом, ошибочен вывод некоторых юристов о том, что добровольный отказ от преступления является разновидностью деятельного раскаяния виновного лица, а деятельное раскаяние в процессе криминальной деятельности этого лица на этапах незавершенного до конца преступного поведения, неоконченного состава преступления отражается в добровольном отказе от преступления.

Так, например, К.Г. осуждена по ст. 30 ч. 1, 33 ч. 3, 105 ч. 2 п. "з" УК РФ, с применением ст. 64 УК РФ, к 3 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

К.Г. осуждена за приготовление к организации убийства, т.е. умышленного причинения смерти К. из корыстных побуждений, и по найму при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В кассационных жалобах адвокат Бейдерман в защиту интересов осужденной К.Г. просит отменить приговор и прекратить дело за отсутствием в ее действиях состава преступления. Считает, что вывод о способе лишения жизни потерпевшего основан в приговоре на предположениях. Когда осужденная узнала, что предназначенный для отравления препарат должен быть введен в организм потерпевшего только внутривенно, она отказалась от намерения сделать это. Приобретенный ею препарат потерял свои фармакологические свойства яда. Утверждения защиты о применении осужденной из-за ее невежества негодных средств, которые объективно не могли причинить вредных последствий потерпевшему, не опровергнуты.

Также не опровергнуты доводы об отсутствии корыстного умысла в ее действиях. Изменив обвинение, вменив ч. 3 ст. 33 УК РФ, суд дополнительно квалифицировал ее действия по более тяжкому обвинению, чем нарушил право К.Г. на защиту.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационных жалоб и возражений на них, Судебная коллегия считает, что выводы суда о доказанности вины осужденной в совершении указанного преступления основаны на проверенных в судебном заседании доказательствах, полно и подробно изложенных в приговоре.

Проанализировав представленные органами следствия доказательства, суд установил, что 18 августа 1998 года между К.Г. и К. был зарегистрирован брак. В 2006 году между ними стали возникать ссоры, в том числе, по поводу распоряжения совместно нажитым имуществом. В сентябре 2006 года К. обратился в суд с иском о расторжении брака, а затем стал проживать отдельно.

Не достигнув соглашения о разделе совместно нажитого имущества, понимая, что в случае развода она лишится половины этого имущества, К.Г. решила организовать убийство мужа.

Выбрав способом убийства отравление, К.Г., которая не общалась с мужем и не имела возможности самой совершить его убийство таким способом, стала искать яд, а также приискала исполнителя убийства, который смог бы передать мужу отравленный коньяк и проконтролировать его употребление им.

В период с февраля по март 2007 года она приобрела у неустановленных лиц не менее 4 мг медицинского препарата "Ардуан" (пипекурония бромид), который запрещен к свободному обороту, является ядом, и отнесен к списку "А", утвержденному приказом Минздрава России от 31.12.1999 № 472. При покупке препарата она получила консультацию от продавцов о действии препарата как смертельного яда, а в дальнейшем, обратившись к справочнику лекарственных средств, удо-

²⁶ Панько, К.А. Добровольный отказ от преступления по советскому уголовному праву / К.А. Панько. – Воронеж, 1975. – С. 65; Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. – М., 1997. – С. 228; Скорилкин, Н.М. Добровольный отказ от преступления и его место в системе обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности / Н.М. Скорилкин. – М., 1998. – С. 14.

²⁷ Кузнецова, Н.Ф. Избранные труды / предисл. акад. В.Н. Кудрявцева. – СПб. : Пресс, 2003. – С. 381.

²⁸ Сверчков, В. Указ. ст. – С. 30.

²⁹ Кузнецова, Н.Ф. Указ. раб. – С. 376.

стоверилась в его фармакологических свойствах и убедилась, что при приеме его человеком внутрь возможно наступление смерти из-за прекращения работы органов дыхания.

Действуя из корыстных побуждений, рассчитывая в случае смерти К. получить принадлежащую ему часть совместно нажитого ими имущества, К.Г. предложила своей знакомой Галиц М.В. совершить его убийство. За помощь она пообещала заплатить ей денежные средства. 27 апреля 2007 года по месту своего жительства К.Г. в присутствии Галиц, разработала план действий по лишению жизни К., согласно которому Галиц должна была прийти в его квартиру под предлогом получения консультации и в знак благодарности оставить бутылку с отравленным коньяком.

29 апреля 2007 года в присутствии Галиц К.Г. открыла ранее приобретенную Галиц по ее просьбе бутылку коньяка "Московский" емкостью 0,25 литра и вылила в нее не менее 4 мг предварительно растворенного в воде медицинского препарата "Ардуан".

Осознавая, что при употреблении коньяка, содержащего "Ардуан", наступит смерть К., и желая этого, К.Г. передала отравленный коньяк Галиц, которая в тот же день направилась домой к К., чтобы передать ему отравленный коньяк.

К.Г. контролировала и руководила действиями Галиц, созваниваясь с ней по мобильному телефону, обговаривала детали ее действий по совершению убийства К. и сокрытие следов убийства.

При этом К.Г. не смогла довести преступление до конца по независящим от нее обстоятельствам, поскольку Галиц решила отказаться от совершения убийства и 30 апреля 2007 года сообщила о готовящемся убийстве самому К., а также в правоохранительные органы. После того как Галиц сообщила К.Г. о якобы совершенном ею убийстве, К.Г. передала ей в качестве вознаграждения 5000 рублей и принадлежащий потерпевшему мобильный телефон.

К.Г. в судебном заседании подтвердила правильность вышеуказанных обстоятельств и, как указал суд в приговоре, чистосердечно раскаялась в содеянном.

В подтверждение своих выводов суд обоснованно сослался на показания потерпевшего К., свидетелей Галиц М.В., Жарского А.В., заключение эксперта, показания специалистов, протокол осмотра места происшествия, вещественные доказательства.

Из показаний свидетеля Галиц суд установил, что К.Г. высказывала опасения, что при разводе супруг может лишиться ее всего имущества, одновременно утверждала, что квартира и магазин принадлежат ей, и она заберет у него все. Она затягивала бракоразводный процесс, а в конце февраля 2007 года попросила ее найти людей, чтобы убить мужа, пообещала заплатить 50 000 рублей. Разговоры о необходимости убийства мужа К.Г. вела неоднократно, несмотря на то, что она ее отговаривала.

В апреле 2007 года осужденная сказала, что ей достали лекарство, от которого будет моментальная смерть, показала его, название лекарства начиналось на букву "А". Она же предложила ей сходить к К. под предлогом получения консультации, а в качестве презента передать ему отравленный коньяк. Понимая, что К.Г. не откажется от убийства мужа и все равно добьется своего, она решила согласиться, но сообщить об этом в милицию. Сразу в милицию не сообщила, поскольку у нее не было доказательств.

В конце апреля 2007 года по просьбе Галины и за ее деньги купила бутылку коньяка "Московский" емкостью 0,25 л. В ее присутствии в своей квартире Галина, надев перчатки, достала из холодильника препарат, представлявший собой белый порошок в пластмассовой коробочке из-под какого-то лекарства. Галина развела этот порошок дистиллированной водой в чайной кружке, а затем вылила в бутылку с коньяком. Поскольку она сомневалась, что яд подействует, Галина сказала ей, что доза убийная, чтобы смерть наступила наверняка, муж умрет сразу, если ее не обманули. Коньяк должна была отнести К. на следующий день – в субботу, но ходила к нему еще накануне.

После обращения к К., они вместе поехали в прокуратуру. В дальнейшем она принимала участие в оперативных экспериментах. Еще до того как она должна была передать отравленный коньяк, спрашивала у Галины, сколько та ей заплатит, сказала, что она должна будет ей заплатить 25 тысяч рублей. Галина соглашалась заплатить, но конкретную сумму не называла, говорила: "Все позже, я для тебя все сделаю". После того как сообщила о якобы совершенном ею убийстве, Галина по ее просьбе передала ей 5000 рублей, чтобы она могла уехать в Мурманск, а также отдала ей мобильный телефон потерпевшего.

Показания свидетеля Галиц подтверждаются показаниями потерпевшего К., свидетеля Жарского, изложенными в приговоре.

У Галиц была изъята бутылка коньяка "Московский", вино "Мускат", переданные ей осужденной К.Г. 5 купюр достоинством по 1000 рублей, принадлежавший потерпевшему мобильный телефон, 117 рублей – часть переданных ей осужденной денег для приобретения спиртного.

Из видеозаписей оперативных экспериментов видно, что 30 апреля 2007 года в подсобном помещении магазина "Золушка" осужденная подтвердила свое намерение устранить К. и дала указания Галиц о совершении убийства. В тот же день Галиц сообщила ей о смерти К. в результате отравления коньяком. За услуги осужденная отдала Галиц 5000 рублей и телефон потерпевшего.

Специалисты Торопов, Захаров, эксперт Глазунов пояснили, что обнаруженный в бутылке из-под коньяка "Московский" медицинский препарат "Ардуан" является ядом, представляет угрозу для жизни.

Судом исследован характер взаимоотношений супругов К. и установлено, что осужденная не соглашалась с иском о расторжении брака ввиду наличия спора о разделе имущества. Она фактически подтвердила, что решила убить мужа из-за нежелания делить с ним имущество, нажитое в браке.

При таких обстоятельствах суд обоснованно признал, что осужденная К.Г. приготовилась к организации убийства К. из корыстных побуждений, по найму, и правильно квалифицировал ее действия.

Поэтому с доводами кассационной жалобы адвоката Бейдермана об отсутствии в действиях осужденной состава преступления, ее добровольном отказе от его совершения согласиться нельзя. Суд обоснованно, с приведением мотивов принятого решения, признал несостоятельными доводы о покушении на убийство негодными средствами.

Квалифицировав ее действия не как покушение на убийство, а как приготовление к организации убийства, суд, вопреки доводам кассационной жалобы адвоката, исходя из положений, содержащихся в ст. 30, ч. 2 и ч. 3 ст. 66 УК РФ, не ухудшил, а улучшил положение К.Г. по сравнению с обвинением, предъявленным ей органами следствия.

Наказание назначено осужденной соразмерно содеянному, с учетом данных о личности, всех обстоятельств дела, а также с учетом влияния назначенного наказания на ее исправление. Как видно из приговора, суд учел также состояние ее здоровья, отсутствие обстоятельств, отягчающих наказание.

В качестве обстоятельств, смягчающих наказание, суд учел чистосердечное раскаяние в содеянном, отсутствие тяжких последствий от преступления.

Приговор Мурманского областного суда от 16.08.2007 в отношении К.Г. оставить без изменения, а кассационные жалобы адвоката Бейдермана И.М., потерпевшего К. и кассационное представление государственного обвинителя Бирюлевой С.Н. – без удовлетворения³⁰.

2.3. КВАЛИФИКАЦИЯ НЕОКОНЧЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОУЧАСТИЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Приготовление к экологическим преступлениям. Проблемы квалификации неоконченной деятельности, выразившейся в приготовлении, при оценке экологических преступлений возникают редко, в основном из-за того, что почти все они (34 из 36 простых и квалифицированных составов) относятся к преступлениям небольшой и средней тяжести. Согласно ч. 2 ст. 30 УК, уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Соответственно, предварительная деятельность в виде приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести не преступна, кроме случаев, когда она сама по себе является преступлением.

Приготовление к экологическим преступлениям может быть преступно в следующих случаях:

- при приготовлении к двум тяжким экологическим преступлениям предусмотренным ч. 3 ст. 247 и ч. 2 ст. 261 УК;
- если подготовительная деятельность представляет собой преступление.

Приготовление к тяжким экологическим преступлениям. Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, повлекшее по неосторожности смерть человека либо массовое заболевание людей (ч. 3 ст. 247 УК), отнесено законом к тяжким преступлениям, поскольку представляет собой преступление с двойной формой вины, в целом считающееся совершенным умышленно.

Специфика таких преступлений заключается в том, что они содержат в себе некие элементы вины неосторожной, проявляющей себя по отношению к наступившим последствиям. В этом случае лицо, производя запрещенные виды опасных отходов или транспортируя, храня, захоранивая, используя или иным образом обращаясь с радиоактивными, бактериологическими, химическими веществами и отходами с нарушением установленных правил, предвидело возможность наступления смерти человека либо массового заболевания людей, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение или не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий.

Согласно ч. 1 ст. 30 УК, приготовление к преступлению представляет собой умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Умышленный характер предварительной деятельности предполагает и умышленный характер того преступления, к которому лицо готовится; приготовление к преступлениям, совершенным по неосторожности, невозможно. Однако преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 247 УК, как уже говорилось, не обычное умышленное преступление, а умышленное и отягченное последствиями, к которым преступник относился неосторожно. Возможно ли приготовление к такому преступлению?

Скорее всего, верным будет отрицательный ответ. Безусловно, возможно приготовление к самому действию – производству запрещенных видов опасных отходов, транспортировке, хранению, захоронению, использованию или иному обращению радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов с нарушением установленных правил.

Вполне возможно, что эти действия в дальнейшем смогут привести к смерти человека или массовому заболеванию людей. Но можно ли вменить в вину лицу эти последствия? Неосторожное отношение к ним, указанное в диспозиции ч. 3 ст. 247 УК, показывает достаточно абстрактный характер предвидения лицом таких последствий, не такой, который характерен даже для косвенного умысла. Вменение лицу приготовления к действию, влекущему последствия, которые лишь могут наступить, означало бы, на мой взгляд, объективное вменение, которое запрещено ч. 2 ст. 5 УК – принципом вины уголовного законодательства.

Таким образом, в рамках анализируемого экологического преступления возможна подготовительная деятельность только к деяниям, предусмотренным ч. 1 и ч. 2 ст. 247 УК, но она не является преступной, поскольку нарушение правил обращения экологически опасных веществ или отходов по ч. 1 ст. 247 УК – преступление небольшой тяжести; по ч. 2 – преступление средней тяжести.

В ч. 2 ст. 261 УК предусмотрена уголовная ответственность за уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений путем поджога, иным общеопасным способом либо в результате загрязнения или иного негативного воздействия. Представляется, что приготовление к данному деянию, носящему умышленный характер, возможно и должно влечь уголовную ответственность по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 261 УК. Приготовление может выражаться, например, в подготовке горючих (бензина, керосина и пр.) или взрывчатых веществ, в приискании соучастников и сговоре на совершение преступления и т.д.

Приготовление к тяжким экологическим преступлениям, если подготовительная деятельность сама представляет преступление. Как правило, речь идет о деяниях, совершенных с использованием опасных предметов, средств, веществ (оружия, наркотиков, сильнодействующих и прочих веществ), либо о деяниях, выражающихся в насилии, угрозах и пр. В перечисленных и других подобных случаях содеянное виновным представляет собой приготовление к экологическим преступлениям, влечет уголовную ответственность по другим статьям УК. Проанализируем наиболее типичные ситуации такой подготовки к экологическим преступлениям.

³⁰ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.10.2007.

Типичная приготовительная деятельность выражается в приискании, изготовлении или приспособлении лицом средств или орудий совершения преступления. Такие используются виновным при совершении, например, наиболее распространенных экологических преступлений: незаконной добычи водных животных и растений, незаконной охоты, незаконной рубки лесных насаждений. В качестве средств или орудий совершения преступления возможны огнестрельное или иное оружие, взрывчатые вещества и взрывные устройства. Приобретение этих веществ и устройств должно влечь уголовную ответственность по ч. 1 – 3 ст. 222 УК или по ст. 226 УК, если приобретение было совершено путем хищения или вымогательства указанных предметов.

Средства и (или) орудия совершения экологического преступления могут не иметь отношения к опасным предметам, за выполнение действий с которыми установлена самостоятельная уголовная ответственность.

В случае, если лицо, не имея необходимых ему для совершения экологического преступления предметов, например, транспортного средства для водного или лесного браконьерства, средств лова водных биоресурсов, средств для рубки лесных насаждений (ручных или механических пил и пр.), приобретает их преступным путем – путем хищения или вымогательства, угона транспортных средств, оно привлекается к ответственности за преступления, предусмотренные гл. 21 УК, соответственно, за кражу, мошенничество, присвоение, растрату, грабеж или разбой, вымогательство, угон.

Теоретически и, думается, практически возможна ситуация, когда устраняются препятствия (например, устраняются возможные свидетели или лица, способные помешать конкретным экологическим преступлениям) с целью создания условий для совершения экологических преступлений. Способы устранения препятствий различны: насилие, убийство, угрозы его применения (совершения), распространение клеветнических сведений, лишение свободы, нарушение неприкосновенности частной жизни. Подобные приготовительные действия возможны, например, к таким экологическим преступлениям, как нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, загрязнение вод, атмосферы или морской среды, нарушение законодательства РФ о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне РФ, незаконная добыча водных животных и растений. Поскольку все перечисленные здесь экологические преступления к тяжким или особо тяжким не относятся, приготовительные действия виновного повлекут ответственность за причинение телесных повреждений (ст. 111, 112, 115 УК), за убийство (п. "к" ч. 2 ст. 105), за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119), за клевету (ст. 129), за лишение потерпевшего свободы (ст. 127), за нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137).

Достаточно сложен вопрос о том, следует ли квалифицировать приготовление (выражающееся в самостоятельном преступлении) к тяжкому экологическому преступлению, к которому оно возможно, – уничтожению или повреждению лесных насаждений и иных насаждений путем поджога, иным общеопасным способом либо в результате загрязнения (ч. 2 ст. 261 УК), одновременно по этому преступлению и по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 261 УК. Примером такого приготовления может служить приобретение лицом взрывчатых веществ, что наказуемо по ч. 1 ст. 222 УК (если нет отягчающих обстоятельств), для уничтожения лесных насаждений. Применение ст. 222 УК в данной ситуации безусловно; статья предусматривает специальный состав незаконного оборота, в частности, взрывчатых веществ.

Однако лицо приобретало взрывчатые вещества для того, чтобы применить их при совершении другого преступления – уничтожения лесных насаждений, и таким образом приготовилось к совершению последнего преступления. Не будет ли вменение ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 261 УК, наряду с составом преступления против общественной безопасности, двойным вменением одного и того же и, соответственно, нарушением принципа справедливости уголовного закона?

Представляется, что на этот вопрос следует ответить отрицательно.

В данной ситуации есть не одно и то же действие, которое одновременно подпадает под признаки двух преступлений (конкуренция норм), а совокупность разных деяний, объединенных некоторыми фактическими обстоятельствами, посягающих на разные охраняемые уголовным законом объекты. Прежде всего, содеянное виновным – это преступление против общественной безопасности, заключающееся в незаконном приобретении взрывчатых веществ. С другой стороны, лицо подобными действиями начинает готовиться к совершению экологического преступления; в его действиях есть состав приготовления к уничтожению лесных насаждений. Объективная сторона этого состава заключается в приискании средств для уничтожения насаждений, которое выражается в приобретении средства совершения уничтожения лесных насаждений – взрывчатого вещества. У этого состава другой объект преступления – экологическая безопасность.

Соответственно, содеянное виновным в анализируемой ситуации представляет собой идеальную совокупность преступлений и влечет уголовную ответственность одновременно по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 261 и ч. 1 – 3 ст. 222 УК.

Покушение на экологические преступления. Покушение – это умышленная деятельность, непосредственно направленная на совершение преступления, не доведенная до конца по не зависящим от лица обстоятельствам. В науке почти не оспаривается, что и преступление, на которое покушается виновный, должно быть умышленным, в связи с провозглашенным в российском уголовном законодательстве субъективным вменением.

Соответственно, теоретически и практически возможно покушение на многие экологические преступления. Легче, пожалуй, назвать те, на которые оно сомнительно или в принципе не реально:

– деяния, которые преступны вне зависимости от формы вины, могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности в тех случаях, когда субъективная сторона представлена неосторожной виной.

Например, неосторожное нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК), неосторожное простое и квалифицированное загрязнение вод (ч. ч. 1, 2 ст. 250), неосторожное нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255);

– преступления с двойной формой вины. Например, нарушение правил обращения экологически опасных веществ или отходов, повлекшее по неосторожности смерть человека либо массовое заболевание людей (ч. 3 ст. 247 УК), особо квалифицированное загрязнение вод (ч. 3 ст. 250), особо квалифицированное загрязнение морской среды (ч. 3 ст. 252);

– неосторожные преступления – нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 249 УК), неосторожное уничтожение или повреждение лесных насаждений (ч. 1 ст. 261).

На все остальные разновидности экологических преступлений покушение возможно и может выражаться в частичном (по формальным и материальным составам) или полном выполнении действий, составляющих объективную сторону престу-

пления, если последствия не наступили или не наступили в полном объеме (по материальным составам). Оно квалифицируется по ч. 3 ст. 30 УК и соответствующей статье гл. 26 УК РФ.

Соучастие в экологических преступлениях. Оно возможно и, более того, на мой взгляд, характерно для основной их массы, исключая неосторожные преступления. Хотя для последних не редкость неосторожное сопричинение, не предусмотренное российским уголовным законодательством ни в какой форме.

В то же время групповое совершение экологических преступлений как их квалифицирующий (особо квалифицирующий) признак встречается в гл. 26 УК, редко – в ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 260 (группа лиц по предварительному сговору и организованная группа), п. "а" ч. 2 ст. 260 (группа лиц) УК и в преступлениях с широким пониманием субъекта, обладающего, как правило, только признаками общего субъекта.

Не оспаривая целесообразность разных наборовотягчающих обстоятельств, относящихся к группе лиц, для браконьерства, с одной стороны, и рубки насаждений, с другой стороны, хотя она и представляется мне сомнительной, отмечу два обстоятельства.

Первое – законодатель не устанавливает различия в степени общественной опасности очевидно разных форм соучастия – группы лиц по предварительному сговору и организованной группы, размещая их в рамках одной части статьи и предусматривая за совершение преступления при их наличии одинаковые пределы наказания. Едва ли это правильно и соответствует современной уголовной политике, в частности, положениям о необходимости дифференциации уголовной ответственности.

Второе, на что следует обратить внимание, – категоричность и наказуемость деяний, совершенных организованной группой лиц. В УК РФ 1996 г. законодатель упоминает организованную группу в трех преступлениях небольшой тяжести, среди которых два – экологические преступления (третье – жестокое обращение с животными – ст. 245 УК). Между тем организованная группа – одна из разновидностей организованной преступности, главная опасность которой, в отличие от всех других видов преступности, – присущее ей и успешно реализуемое стремление создавать свою систему управления на микро- или макроуровнях. Когда эта система управления внедряется в систему государственной или муниципальной власти, угроза государственной и национальной безопасности очевидна. Но даже при отсутствии такого внедрения (хотя коррупция, как правило, сопутствует организованной преступности любого вида) организованные формы соучастия способны причинить и причиняют гораздо больший вред тем отношениям, на которые посягают при совершении преступления, по сравнению с другими преступлениями.

Соответственно, совершенно необходимо на законодательном уровне принять правило, согласно которому совершение преступления организованной группой, если групповой способ в принципе характерен для данного преступления и предусматривается в числе отягчающих обстоятельств, меняет категорию преступления в сторону увеличения. В нашем случае водное и лесное браконьерство, осуществленное организованной группой, должно быть выделено в самостоятельную часть ст. 256 и ст. 258 УК и отнесено к преступлениям тяжким, с учетом того обстоятельства, что наказание за эти преступления явно занижено и должно быть ужесточено. Эта мера, в определенной степени, поможет избежать таких перекосов в практике применения норм об экологических преступлениях, о которых говорит, например, Д. Галимов: "Капитан судна "Гангут", впервые задержанный с 80-ю тоннами минтая, выловленного без надлежащего на то разрешения, причинивший ущерб по действующим таксам на сумму более 50 млн. рублей, был осужден условно и оштрафован на 20 минимальных окладов труда. В последующем этот же капитан на этом же судне был задержан с незаконным уловом 200 тонн терпуга, а в следующий раз с уловом 900 тонн камбалы"³¹. Это же относится и к незаконной рубке, с той только разницей, что "прыжок" в санкции следует сделать не через две, а через одну категорию преступлений (сейчас незаконная рубка, совершенная организованной группой, является преступлением средней тяжести).

По некоторым другим экологическим преступлениям, на мой взгляд, требуется дальнейшая дифференциация уголовной ответственности с учетом групповых способов их совершения. К таким преступлениям относятся, например, нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, загрязнение вод, загрязнение морской среды, нарушение законодательства РФ о континентальном шельфе и исключительной экономической зоне РФ. В них должны быть предусмотрены части с самостоятельным и разным повышением ответственности за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. То, что некоторые из этих преступлений могут быть совершены специальным субъектом, не помеха для указанных квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков. Законодатель использует их и в таких составах (например, ч. 4 ст. 290 УК).

Еще один вопрос, который необходимо затронуть, – современная квалификация экологических преступлений, совершаемых специальным субъектом при помощи других лиц, в соучастии. Оно квалифицируется как пособничество, подстрекательство или организация конкретного экологического преступления, с применением ст. 33 УК. Невозможно лишь соисполнительство в таких преступлениях, в связи с наличием у субъекта преступления дополнительных признаков, которыми он обладает, как правило, из-за занятия определенной должности или допуска к определенной работе.

2.4. ОКОНЧЕННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЖИЗНЬ МНИМОБЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

В юридической литературе проблема квалификации действий виновного, совершившего посягательство на жизнь женщины, ошибочно принятой за беременную, вызывает длительную научную дискуссию. В современной науке уголовного права сформировались три подхода к уголовно-правовой оценке действий лица, совершившего убийство мнимобеременной женщины: субъективный, объективный и объективно-субъективный.

Представители субъективного подхода основополагающим в предлагаемой ими квалификации берут направленность и содержание умысла виновного. При этом среди субъективистов можно выделить два направления. Сторонники первого направления (А.В. Наумов, А.Н. Попов,

³¹ Галимов, Д.И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере добычи водных биоресурсов / Д.И. Галимов. – М., 2007. – С. 81.

Ю.А. Красиков, В.Ф. Караулов и др.) убийство женщины, которую субъект принимал за беременную, но фактически не являющуюся таковой, предлагают рассматривать как покушение на убийство заведомо беременной женщины по ч. 3 ст. 30, п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ³².

Эту доктринальную квалификацию рассмотрим вначале через призму санкций. Максимальное наказание при применении ч. 3 ст. 30, п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ не может превышать 15 лет лишения свободы. Альтернативная санкция за убийство без отягчающих обстоятельств по ч. 1 ст. 105 УК РФ предусматривает лишение свободы от 6 до 15 лет. В связи с этим возникает вопрос: имеет ли смысл квалифицировать реальное убийство женщины при наличии ошибки в ее свойствах как покушение, если учесть, что наказание за покушение на жизнь с отягчающим признаком на практике совпадает с наказанием за совершение убийства без отягчающих признаков? К тому же такой квалифицированный подход практически признает потерпевшую живой, поскольку при покушении жизнь сохраняется при любой степени ее остаточности.

Рассмотренный вариант квалификации создает неразрешимую ситуацию при совершении покушения на жизнь женщины, ошибочно принятой за беременную. Следуя субъективному подходу, покушение при наличии ошибки в свойствах потерпевшей необходимо признать "покушением на покушение" либо "удвоенным покушением", сочетающим в себе реальное и фиктивное покушения. Однако с позиции действующего уголовного законодательства оба варианта невозможны.

Представители второго субъективного направления (С.В. Бородин, Г.Н. Борзенков, Г.О. Кошаева, И.Я. Козаченко и др.) предлагают квалифицировать посягательство на жизнь женщины при наличии ошибки в ее биологических свойствах как оконченное убийство с отягчающим признаком по п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ³³. Они признают в такой квалификационной записи меньшую неточность, поскольку речь идет о совершении одного преступления, в ходе которого причинена смерть потерпевшей. Для большей убедительности представители этого подхода характеризуют отношение виновного к отягчающему признаку наличием косвенного умысла (безразличным отношением к беременности). При этом, как полагает С.В. Бородин, "несомненность знания субъекта об отягчающем обстоятельстве следует относить не к тому, имеется ли оно в действительности, а к тому, что он знает о нем"³⁴.

Согласно противоположной точке зрения субъективистов "...предположительное знание о наличии беременности не дает оснований для подобной квалификации"³⁵.

На наш взгляд, можно согласиться с мнением С.В. Бородина, Ю.А. Красикова, А.И. Коробеева о наличии косвенного умысла при посягательстве на жизнь беременной женщины³⁶. Субъект, посягающий на жизнь женщины, может быть не только полностью уверенным в том, что она беременна, но и сознательно допускать наличие беременности в силу биологической природы женщины либо относиться безразлично к возможному наличию беременности³⁷. К тому же признак заведомости знания виновного о состоянии беременности женщины не был принят во внимание Президиумом Верховного Суда РФ при удовлетворении надзорного представления заместителя Генерального прокурора РФ по делу Кайсина³⁸.

Однако наличие косвенного умысла при посягательстве на жизнь мнимобеременной женщины исключает возможность квалификации содеянного в качестве покушения на ее жизнь. В связи с этим мы отмечаем, что квалификация действий виновного, совершившего убийство небеременной женщины и заблуждавшегося относительно ее состояния, по п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ является избыточной, так как содержит несуществующий в действительности отягчающий признак – состояние беременности.

Представители объективного подхода в науке уголовного права представлены меньшинством. Они квалифицируют посягательство на жизнь женщины при наличии ошибки в ее состоянии окончанным убийством без отягчающих признаков по ч. 1 ст. 105 УК РФ и предлагают толковать заблуждение лица относительно состояния женщины в пользу виновного³⁹.

Обоснованность применения этой нормы признал Президиум Верховного Суда РФ в обзоре судебной практики за IV квартал 2004 г. и отразил в Постановлении № 361п04пр по делу Кайсина. Президиум Верховного Суда РФ в Постановлении отметил, что умысел виновного на лишение жизни потерпевшей был полностью реализован, и в результате его действий наступила смерть потерпевшей.

Такой вариант квалификации убийства женщины, фактически не находившейся в состоянии беременности, позволяет дать наиболее адекватную уголовно-правовую оценку действиям виновного, совершившего реальное покушение на жизнь женщины, при наличии ошибки в ее свойствах, и квалифицировать содеянное с соблюдением правил квалификации неоконченных преступлений.

Ученые, поддерживающие объективно-субъективный подход, при квалификации окончанного убийства небеременной женщины, ошибочно принятой за беременную, пытаются соединить воедино заведомое знание виновного о состоянии бере-

³² Попов, А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. – СПб., 2003. – С. 344–345; Наумов, А.В. Практика применения Уголовного кодекса РФ: судебная практика и доктринальное толкование / А.В. Наумов. – М., 2005. – С. 217–218; Комментарий к УК РФ / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М., 2005. – С. 264; Комментарий к УК РФ / под общ. ред. А.И. Рарога. – М., 2004. – С. 172; Уголовное право РФ. Особенная часть / под ред. : Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М., 2006. – С. 27.

³³ Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – СПб., 2003. – С. 137–138; Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная / под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина. – М., 1999. – С. 322; Комментарий к УК РФ / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М., 1998. – С. 232; Научно-практический комментарий к УК РФ / отв. ред. В.П. Кашепов. – М., 2005. – С. 327; Комментарий к УК РФ / отв. ред. А.И. Бойко. – Ростов н/Д, 1996. – С. 260.

³⁴ Бородин, С.В. Указ. соч. – С. 135.

³⁵ Попов, А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. – СПб., 2003. – С. 336.

³⁶ Бородин, С.В. Указ. соч. – С. 135; Комментарий к УК РФ / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М., 2005. – С. 262; Уголовное право РФ. Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М., 2005. – С. 23.

³⁷ Медицинские работники женских консультаций знают о том, что большинство женщин находятся в состоянии беременности, которая прерывается по медицинским показателям или иным обстоятельствам. Так называемая прерываемая беременность является свойством современной женщины. По существу, беременность должна являться презюмирующим состоянием в детородном возрасте.

³⁸ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 361п04пр по делу Кайсина // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 1. – С. 21.

³⁹ Андреева, Л.А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах / Л.А. Андреева. – СПб., 1998. – С. 15.

менности потерпевшей и наступившее последствие. Представители этого направления (Э.Ф. Побегайло, Н.К. Семернева и др.) считают, что имеет место совокупность преступлений – "покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, и оконченного простого или квалифицированного другим обстоятельством убийства (ч. 3 ст. 30, п. "г" ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 105 или ч. 2 ст. 105 УК РФ с другим признаком)"⁴⁰. Фактически из этой квалификационной записи следует, что имеются в наличии две потерпевшие, одна из которых убита, а на жизнь другой совершено покушение.

Вариант квалификации по правилам совокупности, предложенный сторонниками этого подхода, был положен в основу при вынесении приговора судами первой и кассационной инстанций по делу Кайсина. Однако Президиум Верховного Суда РФ удовлетворил надзорное представление заместителя Генерального прокурора РФ об исключении из судебного решения осуждения Кайсина по ч. 3 ст. 30, п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ по следующим основаниям: во-первых, одни и те же действия виновного квалифицированы по ч. 3 ст. 30, п. "г" ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 105 УК РФ; во-вторых, квалификация действий виновного как покушения является излишней; в-третьих, умысел виновного на покушение на жизнь потерпевшей был реализован полностью, и в результате его действий наступила смерть потерпевшей.

Предложение квалифицировать оконченное деяние как совокупность покушения на жизнь и оконченного убийства не создает приемлемой основы для уголовно-правовой оценки реального покушения на жизнь женщины, ошибочно принятой за беременную.

Аксиомой в уголовном праве признано совершение убийства как с прямым, так и с косвенным умыслом. Не менее аксиоматичным положением считается, что покушение может быть совершено только с прямым умыслом. Эти положения не создают никаких затруднений в применении п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ при квалификации оконченных и неоконченных посягательств в двух случаях: 1) субъект, уверенный в беременности женщины, совершает убийство этой женщины или покушается на ее жизнь. Содеянное при совершении убийства квалифицируется по п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при покушении на ее жизнь – по ч. 3 ст. 30, п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ; 2) субъект, желая убить беременную женщину, по ошибке убивает другую беременную женщину или совершает покушение на ее жизнь, т.е. имеет место ошибка в личности потерпевшей. Оконченные и неоконченные составы квалифицируются аналогично первому случаю.

Однако субъект может ошибаться не только в личности потерпевшей, но и в ее свойствах, связанных с состоянием беременности. Стремление ученых дать уголовно-правовую оценку действиям лица, совершившего убийство женщины при наличии ошибки в ее свойствах, привело к противоречивым взглядам в науке, что обусловило возникновение трудностей в правоприменительной практике. Президиум Верховного Суда РФ сделал попытку разрешить эту сложную ситуацию в определении по конкретному уголовному делу, в котором действия виновного переквалифицированы на ч. 1 ст. 105 УК РФ. На наш взгляд, подобная квалификация учла фактические последствия, в большей мере выражающие общественную опасность содеянного, чем направленность и содержание умысла, о котором зачастую судят со слов виновного.

Такой подход, учитывающий фактические последствия, позволяет применить ч. 3 ст. 30 УК РФ при совершении реального покушения на жизнь мнимобеременной женщины и квалифицировать содеянное по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Таким образом, оконченное посягательство на жизнь мнимобеременной женщины и покушение на жизнь такой женщины станут дифференцированными и более отвечающим потребностям практики.

2.5. ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ХИЩЕНИЯ

Вопрос определения момента окончания хищения имеет как теоретическое, так и серьезное практическое значение. От его решения зависит признание хищения оконченным либо прерванным на стадии покушения, наличия добровольного отказа от его совершения, точность юридической оценки содеянного и т.д. В современной юридической литературе этому вопросу не уделяется должного внимания. Принято считать, что момент окончания достаточно четко определен в постановлениях высших судебных инстанций. По мнению авторов настоящей статьи, это не вполне соответствует действительности, так как рассматриваемый вопрос продолжает неоднозначно решаться на практике и вызывать научные дискуссии.

В науке дооктябрьского периода обсуждались три версии признания хищения оконченным преступлением:

- заимствованная из римского права концепция прикосновения, согласно которой хищение окончено с момента прикосновения субъекта к чужому имуществу;
- теория уноса, отодвигающая окончание хищения ко времени удаления вещи из соответствующего помещения;
- версия завладения, по которой похищение окончено со времени перехода чужого имущества во владение виновного, в том числе и с изъятием вещи из места ее нахождения⁴¹.

Также три варианта окончания хищения рассматривались в советский период:

- теория изъятия (хищение окончено, если имущество изъято из законного владения);
- концепция завладения, предполагающая, что изъятное имущество перешло в обладание виновного субъекта;
- версия распоряжения, связывающая окончание хищения с приобретением виновным возможности распорядиться имуществом по своему усмотрению⁴².

И в современной юридической литературе излагаются также три подхода определения момента окончания хищения:

- теория завладения⁴³;
- теория "реальной возможности";

⁴⁰ Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М., 2001. – С. 84; Уголовное право России. Особенная часть : в 2 т. : учебник для вузов / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М., 1998. – С. 28; Комментарий к УК РФ / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М., 1996. – С. 6.

⁴¹ Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий. – Петроград, 1916. – С. 186 – 188.

⁴² Владимиров, В.А. Квалификация похищений личного имущества / В.А. Владимиров. – М., 1974. – С. 35 – 41.

⁴³ Рудаков, С.А. Уголовная ответственность за кражу по российскому и зарубежному законодательству (теоретический анализ) / С.А. Рудаков. – Н. Новгород, 2005. – С. 114–115.

– момент окончания зависит от формы хищения⁴⁴.

Принципиальное различие между этими взглядами проявляется в подходе к решению весьма важного вопроса о моменте окончания преступления при изъятии материальных ценностей с охраняемой территории предприятия. Если считать хищение оконченным с момента изъятия имущества, то припрятывание ценностей на территории охраняемого предприятия или попытка вынести их с данной территории рассматривается как оконченное хищение.

До 1972 г. едва ли не академический характер имела позиция, заключающаяся в том, что по общему правилу (из него "выпала" квалификация разбоя) хищение считалось оконченным с момента фактического завладения преступником этим имуществом. Так утверждал в своей практике Верховный Суд СССР, так провозглашалось в учебниках и курсах уголовного права⁴⁵. Однако в 1972 г. в бюллетене Верховного Суда РСФСР № 2 было опубликовано решение Ленинградского городского суда по делу С. с новым толкованием момента окончания кражи. Он был связан с тем, что ответственность за оконченное преступление, предусмотренное ст. 89 УК РСФСР, наступает в случаях, когда лицо полностью осуществило преступный умысел по завладению государственным или общественным имуществом и приобрело возможность использовать его по своему усмотрению⁴⁶. В дальнейшем данное положение нашло подтверждение в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 11.07.1972 № 4 "О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества", а затем в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5.09.1986 № 11 "О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности" и в п. 6 нового Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое". Рассматриваемый случай – один из немногочисленных, свидетельствующих о том, что разработанная известным ученым-юристом профессором Г.А. Кригером концепция получила официальное признание в судебной практике.

Однако в отличие от практики в теории уголовного права данная концепция была поддержана не всеми. Она подвергалась, в частности, серьезной критике со стороны В.Н. Литовченко, который отмечал, что границы, при которых завладение имуществом до пределов реальной возможности распоряжения им не отличаются четкостью, могут быть истолкованы неоднозначно⁴⁷. В.А. Владимиров считает, что данная концепция не может быть признана достаточно обоснованной и убедительной прежде всего потому, что для наступления момента окончания хищения достаточно, чтобы похищенное имущество перешло в физическое обладание похитителя, хотя бы он еще и не получил реальной возможности распорядиться этим имуществом, а лишь осознавал такую возможность на будущее⁴⁸.

С.М. Кочои пришел к выводу, что разъяснение о моменте окончания хищения в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11.07.1972 не должно претендовать на универсальность и может быть использовано только при определении момента окончания хищения чужого имущества, совершаемого с охраняемой территории⁴⁹.

В настоящее время В.В. Векленко утверждает, что определение общего момента окончания хищения не может удовлетворить потребности практики и влечет конкретизацию момента окончания применительно к отдельным способам хищения⁵⁰.

Поскольку момент признания преступления оконченным напрямую зависит от того, как сформулированы в уголовном законе признаки его объективной стороны, проанализируем соответствующие общие положения действующего закона.

В части 1 ст. 29 УК РФ указано, что преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом. Законодатель, таким образом, по своему усмотрению определяет минимум действий и тот объем вредных последствий, при наличии которых деяние признается оконченным преступлением. Определение момента юридического окончания преступного деяния – важный элемент законодательной техники, обеспечивающий наибольшую эффективность уголовно-правовой нормы⁵¹.

В пункте 1 примечания к ст. 158 УК РФ описаны общие объективные признаки состава хищения. Исходя из этого, момент окончания хищения должен определяться изъятием и (или) обращением чужого имущества в пользу виновного или других лиц, также причинением ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества. Но в юридической литературе неоднократно отмечалось, что использование законодателем для характеристики объективной стороны хищения терминов "изъятие" и (или) "обращение" вряд ли следует считать достаточно продуманным⁵².

Во-первых, если "изъятие" имущества присуще всем формам хищения, то объективная сторона ни одной формы хищения не может быть охарактеризована только как "обращение" чужого имущества в пользу виновного или других лиц⁵³.

Во-вторых, если "изъятие" и "обращение" чужого имущества в пользу виновных обязательны для кражи, грабежа, мошенничества, а при присвоении и растрате возможно только "обращение" имущества в пользу указанных лиц, то получается, что "изъятия" имущества при хищении не существует⁵⁴. Данное положение создает известные трудности для определения

⁴⁴ Векленко, В.В. Квалификация хищений чужого имущества / В.В. Векленко. – Омск, 2001. – С. 210.

⁴⁵ Пионтковский, А.А. Курс советского уголовного права. Особенная часть / А.А. Пионтковский, В.Д. Меньшагин. – М., 1955. – С. 402–403.

⁴⁶ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1972. – № 1. – С. 14–15.

⁴⁷ Литовченко, В.Н. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность (понятие хищения) / В.Н. Литовченко. – М., 1985. – С. 50.

⁴⁸ Владимиров, В.А. Квалификация похищений личного имущества / В.А. Владимиров. – М., 1974. – С. 38.

⁴⁹ Кочои, С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С.М. Кочои. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2000. – С. 133.

⁵⁰ Векленко, В.В. Квалификация хищений чужого имущества / В.В. Векленко. – Омск, 2001. – С. 214.

⁵¹ Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений : учебное пособие / Б.А. Куринов. – М., 1984. – С. 122.

⁵² Кочои, С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С.М. Кочои. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2000. – С. 105.

⁵³ Кладков, В.А. Уголовно-правовая охрана права собственности / В.А. Кладков // Труды МГЮА. – 1999. – № 4. – С. 109–110.

⁵⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РФ. – М., 1996. – С. 398; Уголовное право РФ. Особенная часть. – М., 1996; Владимиров, В.А. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность / В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов. – М., 1986. – С. 86 и др.

момента окончания хищения, так как сложно установить, какими действиями может совершаться хищение. Это негативно отражается на практике.

Например, при рассмотрении уголовных дел в судах встречаются случаи, когда признается оконченным хищение при задержании виновных на пути к выходу из помещения или квартиры. И это не случайно. Так, по делу Бугреева, осужденного за оконченную кражу, Верховный Суд РФ признал правильным изменение квалификации его действий на покушение на кражу, поскольку виновный, отжав с помощью "фомки" дверь, выбил ее ногой и проник в квартиру, из которой попытался изъять имущество, но распорядиться им не успел, поскольку был задержан сотрудниками милиции при выходе из квартиры⁵⁵.

В другом случае несколько работников тепличного комбината по предварительному сговору между собой похитили со склада товарной продукции 23 ящика огурцов и, погрузив их на автомашину, попытались вывезти с территории комбината, но были задержаны на проходной. Верховный Суд РСФСР признал неправильной квалификацию этого преступления как оконченного хищения и изменил ее, усмотрев в содеянном покушение на кражу, поскольку виновные не имели реальной возможности распорядиться данным имуществом по своему усмотрению⁵⁶.

В соответствии с Постановлением, указанным выше, для оконченной кражи с охраняемой территории необходимо вынести имущество за пределы этой территории, именно с этого момента у лица появляется реальная возможность пользоваться и распоряжаться имуществом по своему усмотрению. В приведенных случаях для ее возникновения необходимо совершение дополнительных действий, т.е. вынесения имущества за пределы помещения или квартиры. Данный подход в полной мере соответствует тем случаям, когда объективная сторона хищения выражается в изъятии и обращении чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Однако он не соответствует ситуациям, когда его объективная сторона выражается только в изъятии как альтернативном действии. Это означает, что преступление окончено с момента, когда изъятие имущества причинило ущерб его собственнику или иному владельцу.

Необходимо также обратить внимание на следующее. Принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" (п. 6), в котором односторонне определяется момент окончания хищения только в отношении кражи, грабежа, разбоя и ничего не говорится о мошенничестве, особенно сопряженном с приобретением права на имущество, нет указаний относительно момента окончания присвоения и растраты. Федеральным законом от 30.12.2006 № 283-ФЗ внесены изменения в ст. 158 УК РФ и в примечание к ней. В соответствии с ними "под хранилищем понимаются хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей". Данное определение не содержит указания на то, что хранилище оборудовано ограждением либо техническими средствами, что оно обеспечено иной охраной, как это было в старой редакции. Что касается нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода, то хищения из них предусмотрены отдельным пунктом ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Из этого положения следует, что к хранилищу следует относить любой участок территории, даже не огороженный и не обеспеченный охраной, например, на котором находятся строительные материалы, собранное в поле зерно и т.п. В этом случае нет различия между кражей с охраняемой территории и кражей с любого неохраняемого участка и их следует квалифицировать по одному п. "б" ч. 2 ст. 158 УК РФ.

В связи с этим возникает множество вопросов. Если к хранилищу относится как охраняемая территория, так и неохраняемая, тогда что следует понимать под охраняемой и неохраняемой территорией? Корректно ли использование термина "проникновение" в хранилище, если оно не охраняется? И применимо ли вообще прочно устоявшееся и достаточно "отработанное" судебное правило о моменте определения окончания хищения, закрепленное в п. 6 упомянутого Постановления, поскольку оно было разработано в основном применительно к краже именно с охраняемой территории? Возникает такое впечатление, что законодатель чрезмерно уделяет внимание месту совершения кражи.

Изначально в Уголовном кодексе РФ была закреплена только кража из жилища, помещения либо иного хранилища. Затем кража из жилища была предусмотрена отдельной нормой (ч. 3 ст. 158 УК РФ). Затем появляется новый вид кражи совершенной из одежды, сумки или другой ручной клади, находящихся при потерпевшем. Теперь еще появилась кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода. Что дальше ждать от законодателя? Все эти новые изменения вызывают серьезные возражения с точки зрения используемой терминологии, а также, решая отчасти уже накопившиеся проблемы, порождают новые (причем не менее сложные и в ряде случаев тупиковые). Ведь главным недостатком, не позволяющим правильно квалифицировать деяния, являются неточные законодательные формулировки и судебные рекомендации⁵⁷, что вызывает среди практических работников определенные трудности.

Проанализируем несколько примеров, свидетельствующих о сложности применения общего определения момента окончания хищения на практике. Виновный Т. задумал похитить имущество, находящееся в небольшом сейфе на охраняемой территории. С этой целью он проник в помещение, но открыть сейф ему не удалось. Тогда он решил похитить сам сейф с находящимся в нем имуществом. Переместив сейф к окну, он выбросил его на улицу, а затем перебросил через ограждение. После этого сам перебрался через ограждение, переместил сейф на некоторое расстояние от охраняемой территории и попытался уже за ее пределами вскрыть сейф, но был задержан случайно оказавшимся рядом гражданином. При рассмотрении дела в суде данный факт был квалифицирован как оконченная кража. Сложность в квалификации этого преступления состоит в том, что совершаются все действия по завладению имуществом, которое выносится за пределы территории, но хищение не окончено. Дело в том, что непосредственно имуществом лицо еще не завладело, а завладело только хранилищем, в которое еще не проникло. Следовательно, лицо не получило реальной возможности пользоваться и распоряжаться имуществом по своему усмотрению. Поэтому содеянное им должно квалифицироваться как покушение на кражу. Данный пример

⁵⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 6. – С. 9–10.

⁵⁶ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1986. – № 10. – С. 13–14.

⁵⁷ Чечель Г.И. считает, что Пленум Верховного Суда РФ в своих толкованиях занимает иногда двойственную позицию, не решаясь высказать окончательное решение, либо дает разъяснение положений, исходя не из их сложности, а из их распространенности в правоприменительной практике (Чечель, Г.И. Спорные вопросы квалификации убийства двух или более лиц / Г.И. Чечель // Труды юридического факультета СГУ. – Ставрополь : Сервисшкола, 2003. – Вып. 2. – С. 186).

свидетельствует о том, что совершение дополнительных действий после выноса за пределы охраняемой территории не всегда указывает на окончание хищения.

На современном этапе развития научно-технического прогресса многие предприятия, организации для обеспечения безопасности используют различные технические средства (например, видеокамеры наружного и внутреннего наблюдения, которые позволяют проследить за поведением преступника). Это обстоятельство вызывает определенные сложности в определении момента окончания хищения. Опять-таки приведем пример из судебной практики. М. и К. знали, что генеральный директор предприятия "МОНОКРИСТАЛЛ" в своем офисе в сейфе хранит денежные средства, но не знали, что по всему периметру ограждения были установлены видеокамеры, позволяющие осуществлять наружное наблюдение за тем, что происходит за его пределами. Для того чтобы похитить денежные средства, они ночью проникли на территорию данного предприятия, вскрыли сейф. Завладев его содержимым, они покинули офис, перелезли через ограждение и через 100 метров были задержаны охраной.

Суд признал пройденное виновными расстояние небольшим (в пределах наблюдения видеокамер) и квалифицировал данный факт как покушение на кражу. Если следовать таким правилам, то в большинстве случаев хищение будет квалифицироваться как неоконченное преступление. Это, соответственно, будет влечь смягчение наказания преступнику, так как технические средства позволяют осуществлять наблюдение на достаточно большом расстоянии от охраняемой территории. В дальнейшем, на наш взгляд, использование технических средств получит повсеместное распространение, на что законодатель необходимо обратить внимание.

Представляется, что при рассмотрении такой важной проблемы, как определение момента окончания кражи, когда похищаются предметы, которые преступник может употребить на месте совершения преступления (продукты, напитки, сигареты и т.п.), необходимо учитывать следующее мнение Г.А. Кригера: "Если речь идет об имуществе, которое может быть потреблено виновным (обычно это различные пищевые продукты) без выноса с охраняемой территории, и он имеет такое намерение, кража должна считаться оконченной с момента обособления имущества и установления над ним противоправного владения преступником"⁵⁸. Значит, в этой ситуации момент окончания хищения наступает при совершении только действий по изъятию и завладению.

Рассмотрев различные ситуации, мы убедились в том, что момент возникновения реальной возможности определяется по-разному. Возникает вопрос: в каких границах она определяется? Г.А. Кригер, уделивший наибольшее внимание данному вопросу, отметил, что возможность распорядиться имуществом по своему усмотрению не следует путать или отождествлять с реальным достижением тех конечных целей, которые лицо ставило перед собой. Он пишет: "Виновный может и не достичь этих целей, т.е. не успеть потребить, продать или иным способом распорядиться похищенным имуществом; важно, чтобы он достиг возможности совершить указанные действия"⁵⁹. Однако главная проблема, на наш взгляд, состоит в том, что эту "возможность" правоприменитель определяет сам в каждом конкретном случае с учетом обстановки совершения преступления. Но эта обстановка зависит от многих обстоятельств. Особенно ее сложно установить, когда имущество находится вне помещения, хранилища или определенного места. Например, хищение транспортного средства, находящегося на улице, скота на пастбище, телефона-автомата, электрических фонарей или провода освещения и т.п. следует признать оконченным, когда они перемещены за пределы прямой видимости от места их нахождения. При этом необходимо учитывать и конкретные условия, при которых совершается кража, т.е. время суток, погодные условия, рельеф местности, наличие в непосредственной близости объектов, затрудняющих наблюдение (зданий, строений, транспорта, коммуникаций и т.п.)⁶⁰.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что проблема определения момента окончания хищения продолжает оставаться актуальной. Главными причинами такого положения являются:

- оценочный характер определения момента окончания хищения, требующего уточнения не только в отношении форм хищения, но и различных его видов;
- неудачная формулировка признаков объективной стороны состава хищения в законе;
- неудовлетворительность вносимых изменений, негативно отражающихся не только на стройности и системности уголовного закона, но в первую очередь – на правоприменительной практике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По проблемам, рассмотренным в настоящей работе, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. Согласно ст. 30 УК РФ к неоконченному преступлению относятся стадии приготовления к преступлению и покушения на преступление; завершается совершение преступления стадией оконченного преступления.

2. При квалификации неоконченного преступления следует учитывать, что область выявления в преступной деятельности видов неоконченного преступления несколько уже по сравнению с кругом объявляемых преступными деяний, поскольку возможность существования применительно к конкретным преступлениям стадий приготовления и покушения ограничена рядом субъективных и объективных признаков.

В частности, с точки зрения субъективной стороны вопрос о приготовлении и покушении может возникнуть только применительно к преступлениям, совершаемым с прямым умыслом, носящим целенаправленный характер. Исключается возможность приготовления и покушения с косвенным умыслом, поскольку при косвенном умысле наступивший преступный результат для виновного не является ни целью, ни средством для достижения цели. Здесь нельзя говорить о целенаправленной деятельности виновного, который лишь сознательно допускает наступление общественно опасного результата или безразлично к нему относится.

---

⁵⁸ Кригер, Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества / Г.А. Кригер. – М., 1971. – С. 117; 1974. – С. 109.

⁵⁹ Там же. – М., 1974. – С. 117–118.

⁶⁰ Векленко, В.В. Квалификация хищений чужого имущества / В.В. Векленко. – Омск, 2001. – С. 216–217.

3. Приготовление и покушение юридически невозможны в преступлениях с двумя формами вины. Если вследствие частичного выполнения действий, образующих объективную сторону конкретного состава преступления, наступают причинно связанные с ними последствия, играющие роль квалифицирующего признака, субъективное отношение к наступлению которых выражается в неосторожности, содеянное следует квалифицировать по правилам идеальной совокупности преступлений.

4. За приготовлением к преступлению следует либо стадия покушения на преступление (и тогда приготовление поглощается последующей более тяжкой стадией, за исключением случаев, когда приготовление к преступлению содержит в себе признаки самостоятельного состава преступления), либо добровольный отказ от преступления (и тогда вопрос об уголовной ответственности лица решается по правилам ст. 31 УК РФ), и лишь недоведение приготовительных к совершению преступления действий до конца по не зависящим от лица обстоятельствам позволяет в конкретных случаях говорить о наличии имеющей самостоятельное уголовно-правовое значение стадии совершения преступления.

5. Оконченное покушение имеет место тогда, когда виновный сделал все, что субъективно считал необходимым для доведения преступления до конца, однако по не зависящим от него обстоятельствам до конца преступление доведено не было. Например, лицо стреляет в потерпевшего с целью лишения жизни, но промахивается.

При неоконченном покушении виновный не сделал всего того, что субъективно считал необходимым для доведения преступления до конца. Например, лицо задерживается в момент проникновения в квартиру; у лица, нападающего на потерпевшего, выбивают из рук оружие; лицо прицеливается в потерпевшего с целью лишения его жизни, но оружие дает осечку и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации России. – М. : Юридическая литература, 1993. – 64 с. : [в ред. от 21.07.2007 № 5-ФКЗ].
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [в ред. от 4.03.2008 № 26-ФЗ].
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : [в ред. от 14.02.2008 № 11-ФЗ].
4. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : федер. закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ : [в ред. от 24.07.2007 № 214-ФЗ].
5. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ : [в ред. от 24.07.2007 № 214-ФЗ].
6. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ : [в ред. от 24.07.2007 № 214-ФЗ].
7. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 : [в ред. от 24.07.2007 № 214-ФЗ].
8. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : закон Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 : [в ред. от 22.08.2004 № 122-ФЗ].
9. О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11.07.1972 № 4.
10. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 № 1.
11. О судебной практике по делам об убийстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 : [в ред. от 06.02.2007 № 7].
12. О практике назначения судами видов исправительных учреждений : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2001 № 14.
13. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2007 № 2.
14. О практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 : [в ред. от 06.02.2007 № 7].
15. О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5.03.2004 № 1 : [в ред. от 11.01.2007 № 1].
16. Андреева, Л.А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах / Л.А. Андреева. – СПб., 1998. – С. 15.
17. Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – СПб., 2003. – С. 137–138.
18. Векленко, В.В. Квалификация хищений чужого имущества / В.В. Векленко. – Омск, 2001. – С. 210.
19. Владимиров, В.А. Квалификация похищений личного имущества / В.А. Владимиров. – М., 1974. – С. 38.
20. Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – М., 1955. – С. 15 – 20.
21. Галимов, Д.И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере добычи водных биоресурсов : дис. ... канд. юрид. наук / Д.И. Галимов. – М., 2007. – С. 81.
22. Кузнецова, Н.Ф. Избранные труды / предисл. акад. В.Н. Кудрявцева. – СПб. : Пресс, 2003. – С. 381.
23. Кочои, С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С.М. Кочои. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2000. – С. 133.

24. Кладков, В.А. Уголовно-правовая охрана права собственности / В.А. Кладков // Труды МГЮА. – 1999. – № 4. – С. 109–110.
25. Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений : учебное пособие / Б.А. Куринов. – М., 1984. – С. 122.
26. Литовченко, В.Н. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность (понятие хищения) / В.Н. Литовченко. – М., 1985. – С. 50.
27. Печников, Н.П. Некоторые аспекты соблюдения гарантий личности в деятельности правоохранительных органов : конспект лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. – 68 с.
28. Печников, Н.П. Профилактика правонарушений и предупреждение преступлений : учебное пособие / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 72 с.
29. Печников, Н.П. Деятельность правоохранительных органов по расследованию, раскрытию и предупреждению преступлений : монография / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 64 с.
30. Печников, Н.П. Защита прав и свобод личности в уголовном процессе : монография / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 84 с.
31. Печников, Н.П. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве : монография / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 120 с.
32. Печников, Н.П. Уголовно-процессуальные гарантии прав подозреваемого и обвиняемого : монография / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 96 с.
33. Печников, Н.П. Проблемы теории и практики прокурорского надзора в современных условиях : лекции к курсу / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 60 с.
34. Печников, Н.П. Некоторые аспекты деятельности милиции общественной безопасности : лекции к курсу / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 84 с.
35. Печников, Н.П. Категории преступлений и их уголовно-правовое значение : курс лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 64 с.
36. Печников, Н.П. Должностные и служебные преступления : методические указания / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 32 с.
37. Печников, Н.П. Проблемы уголовно-правовой политики на современном этапе : курс лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 112 с.
38. Печников, Н.П. Обеспечение законности и правопорядка в деятельности правоохранительных органов : лекции к курсу / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 76 с.
39. Печников, Н.П. Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса : курс лекций / сост. Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 80 с.
40. Печников, Н.П. Процессуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе : курс лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 64 с.
41. Печников, Н.П. Общие начала назначения наказания и их реализация в судебной практике : курс лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 64 с.
42. Печников, Н.П. Общий надзор прокуратуры, его задачи и проблемы эффективности : курс лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 60 с.
43. Печников, Н.П. Процессуальные и тактические вопросы производства обыска и выемки в уголовном процессе : курс лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 56 с.
44. Печников, Н.П. Соучастие в преступлении: теория и проблемы практики : конспект лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 56 с.
45. Попов, А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. – СПб., 2003. – С. 336.
46. Пионтковский, А.А. Курс советского уголовного права. Особенная часть / А.А. Пионтковский, В.Д. Меньшагин. – М., 1955. – С. 402–403.
47. Рудаков, С.А. Уголовная ответственность за кражу по российскому и зарубежному законодательству (теоретический анализ) / С.А. Рудаков. – Н. Новгород, 2005. – С. 114–115.
48. Сверчков, В. Место добровольного отказа от преступления в системе уголовного законодательства / В. Сверчков // Уголовное право. – 2001. – № 2. – С. 29.
49. Скорилкин, Н.М. Добровольный отказ от преступления и его место в системе обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности / Н.М. Скорилкин. – М., 1998. – С. 14.
50. Трайнин, А.Н. Общее учение о составе преступления / А.Н. Трайнин. – М., 1957. – С. 99–100.
51. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий. – Петроград, 1916. – С. 186 – 188.
52. Арутюнов, А. Квалификация преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору / А. Арутюнов // Уголовное право. – 2007. – № 3.
53. Бавсун, М. Убийство двух и более лиц: совокупность или единое преступление? / М. Бавсун, Н. Куличенко // Уголовное право. – 2007. – № 3.
54. Войтович, А. Примечания в уголовном законе / А. Войтович, А. Рарог // Законность. – 2008. – № 2.
55. Благов, Е. Подготовка к преступлению / Е. Благов // Законность. – 2005. – № 1.

56. Кабурнеев, Э.В. Развитие законодательства об ответственности за убийство / Э.В. Кабурнеев // Журнал российского права. – 2007. – № 8.
57. Лопашенко, Н. Квалификация неоконченной деятельности и соучастия в экологических преступлениях / Н. Лопашенко // Законность. – 2007. – № 10.
58. Поротиков, Д.Ю. Проблемы квалификации и назначения наказания за приготовление к преступлению / Д.Ю. Поротиков // Российский следователь. – 2007. – № 12.
59. Редин, М.П. Объективные и субъективные признаки приготовления к преступлению и покушения на преступление / М.П. Редин // Российский следователь. – 2003. – № 1.
60. Ситникова, А. Приготовление к преступлению как вестадийный уголовно-правовой деликт / А. Ситникова // Уголовное право. – 2007. – № 4.
61. Ситникова, А.И. Оконченное и неоконченное посягательство на жизнь мнимобеременной женщины / А.И. Ситникова // Российский следователь. – 2007. – № 14.
62. Надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2007 № 47-Д07-19.
63. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 6.04.2005.
64. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.10.2007.